Город сожженных кораблей

Автор:
Евгения Михайлова

Город сожженных кораблей

Евгения Михайлова

Детектив-событиеЧастный детектив Сергей Кольцов

Артем любил Элизу еще со школы, хотя все эти годы она оставалась для него недосягаемой звездой. И теперь именно его обвиняют в убийстве девушки, ведь на его одежде обнаружена кровь Элизы. Но как она туда попала?..

Родители Элизы покинули морг в полуобморочном состоянии: это оказалась не их дочь! Но почему тогда на погибшей девушке ее одежда?..

Детектив Сергей Кольцов привык ничему не удивляться: убитая Лера Сикорская оказалась внебрачной дочерью отца Элизы. Но зачем сестры поменялись одеждой и куда пропала сама Элиза?..

Все знают, что равнодушие убивает, но инстинктивно стремятся оградить себя от темных сторон жизни. Однако только от нас зависит, станут ли они когда-нибудь светлыми…

Евгения Михайлова

Город сожженных кораблей

© Михайлова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Все события и персонажи вымышленные.

Часть первая

С любовью

Глава 1

Там-та-там-та-там-та-там. Та-там-та-там. Та-там-та-там…

Мелодия «К Элизе». Она внедрялась в мозг Артема внезапно и безо всякого его желания. Он не был музыкально одаренным, он терпеть не мог музыкальную школу, в которую его отдали, как он считал, по одной причине: у них дома от предков остался роскошный антикварный рояль. Если его продать, можно было бы накупить айфонов, айпадов, планшетников, съездить во Флориду на все каникулы или просто купить нормальную машину вместо папиного примуса. Какой-нибудь шикарный внедорожник. Лучше всего «Мерседес». Как сказал однажды папин друг: «На свете существует две марки автомобилей: «Мерседес» и «НЕ Мерседес». И все были бы довольны, особенно папа, если бы у них была другая мама. Нет, Артем не хотел другую маму, просто ему иногда хотелось исправить эту. Это хорошо, что она такая интеллигентная, симпатичная, с ней приятно куда-то пойти. И вообще с ней хорошо. Она считается с ним, уважает его права, она добрая и ласковая. Просто в чем-то она – кремень. Их семья – это бюджетники, то ли средний класс, то ли вообще нищий класс. С деньгами всегда проблемы. Но если бы мама не покупала дорогие книги, если бы не держалась, как за великую ценность, за этот рояль, который, кстати, многие хотели у них

купить, – он был какой-то знаменитый, – то у них появились бы деньги, а с ними – возможности, которые сейчас есть у детей каких-то черных риелторов, коммунальщиков и прочих непонятных людей. Сидеть в НИИ с гордо поднятой головой, может, и красиво, если вообще нет ничего. А у них рояль, записки предков-декабристов. Непростые они люди, только кого это сейчас интересует? То есть обидно, что есть коллекционеры, которых интересуют даже желтые, рассыпающиеся листки дневников их предков. Это люди, у которых много денег. Те, у которых их меньше, думают только об одном: что, где, почем, какая последняя версия. А у Артема, как у всей его семьи, – вообще кнопочные телефоны. Стыдно вынимать, когда звонит.

Он говорил, конечно, об этом с мамой. Но что у него могло получиться, кроме полного облома? У мамы, как сказано у Чехова, «все прекрасно: и душа, и мысли…». Говорит она красиво. Например: «Память и честь не продают». Кто он рядом с ней… С бедной, но эмоционально богатой представительницей славного рода, который она не хочет выставлять напоказ, с ее степенью в науке, за которую, оказывается, почти не платят. Артем даже пытался как-то сказать, объяснить, что все это можно сохранить, став чуть-чуть богаче. Ну, этот рояль… Мама просто смотрела на сына, как будто жалея. Но он сразу начинал себя чувствовать дикарем, не усвоившим семейные ценности. Человеком, который вылезает из своего нелепого отрочества, чтобы влезть в совсем неуютную юность. Никаких вариантов не было, кроме того, чтобы поступить на бюджетное отделение того вуза, который закончили родители, и выйдет он из вуза младшим научным сотрудником НИИ – смешно сказать, за какие деньги. Нормальный «Самсунг» стоит столько, сколько мамина и папина месячные зарплаты, вместе взятые.

Артем не был меркантильным, он не был закомплексованным, просто жизнь, как вдруг ему показалось, пошла не так. Он вообще-то был мастером спорта по плаванию. И вообще симпатичный. Может, это уже глюки из-за неудач, но ему иногда казалось, что во всем виноват рояль. Что он навис над его судьбой как проклятие. Вообще-то закончить музыкалку, раз маме так хотелось, на тройки и забыть о ней – нет проблем. Дело в том, что ему понравилась эта мелодия – «К Элизе». Она не привила ему любви к музыке в принципе, интереса к творчеству Бетховена в частности, дело и не в том, что она достаточно легкая даже для не очень музыкального человека. Она просто на что-то легла, совпала… С чем-то в нем. Возможно, в каждом человеке живет его мелодия, но не каждый ее находит. А тут так случилось. Случилось с ним что-то невероятное. Он вообще-то не мямля и не нытик. И крепко стоит на земле. И родители бы сильно удивились, узнав, что мужчиной он стал в шестнадцать

лет. И первый опыт был со взрослой, замужней женщиной из их дома. Потом были другие, среди них иногда – обычные районные «давалки», он их даже никогда по именам не называл. А «К Элизе» звучала у него в мозгу совсем не просто так. Это «там-та-там-та там-та-там» мгновенно ассоциировалось с образом девочки-одноклассницы. Вот просто накладывалась эта мелодия, как будто девочка не ходила, а танцевала, не говорила, а напевала. Невероятным было и то, что девочку в школе звали Лизой, но по документам она была Элиза. То ли тоже что-то с родней у них сложное, то ли родители выпендрились. Но шло ей это имя, как зеленый листок розовому бутону. Невысокая, чуть полноватая, с пушистой копной темно-русых волос и ярким лицом, как будто с картины или праздничной открытки. Серые глаза – немного больше и глубже, чем у остальных людей, длинные ресницы, на которые она в качестве эксперимента выкладывала спички в ряд. Предлагала другим девочкам так делать, чтобы измерить, у кого длиннее. Но никто с ней не соревновался: и так все ясно. И губы у нее были как крупное яркое сердце. Когда улыбалась, в уголках появлялись ямочки. И маленькие, красивые ушки, как украшения.

Лизу привозил и увозил водитель. На переменах вокруг нее вечно толклась куча ребят, не только из их класса. Шансов пробиться не было. Вообще-то, ни у кого шансов не было, потому что в выпускном классе за ней стал приезжать взрослый мужчина на шикарном «Лендровере», потом другой – на «мерсе»… Артем просто не мог выбросить ее из головы. Однажды она пришла к нему на день рождения. Он перед этим не спал всю ночь. Он искал слова. Ему мама говорила, что женщина любит ушами… У него появился такой шанс! Лиза заинтересовалась роялем, а он проиграл «К Элизе» и сказал, что всегда думает о ней, даже больше: он видит ее, когда слышит эту музыку.

Лиза улыбнулась, показав свои ямочки, и мило ответила:

– Даже не сосчитаю, сколько людей мне это говорили. Надо же было маме меня так назвать! Но мне нравится эта музыка, твой рояль, играешь ты тоже неплохо.

Это был конец надеждам. Артем – не тупой. На чудо можно понадеяться один раз. Второй – это уже просто глупость. В ту ночь, после своего дня рождения, он понял, что любовь и ненависть – это почти одно и то же. Вмиг меняется знак плюс на знак минус, и ты больше не хочешь подарить великое счастье избраннице, ты начинаешь ждать ее несчастий. Так рояль, Бетховен и странная женщина, которая назвала дочь дурацким, по сути, именем, заполнили жизнь

Артема жгучей смесью: нежностью, страстью, жестокостью и жаждой возмездия. Внешне его жизнь была такой же, как и прежде. У него менялись женщины, он заканчивал институт, встречался во дворе с Лизой, они улыбались друг другу, и он уже потерял счет ее кавалерам. Однажды еще не темным вечером он видел, как ее страстно целует элегантный мужчина, похожий на иностранца. Артем спокойно прошел мимо, вошел в свою квартиру, обнаружил, к своему облегчению, что родителей еще нет, и с такой силой начал колотить о стену кулаками, что, когда сумел остановиться, увидел разбитые костяшки пальцев, все было в крови. Он замыл стену, перевязал кое-как руки, быстро лег в постель и выключил свет. Утром сказал маме, что на него напали бандиты, он защищался. Она чем-то мазала, лечила, он не пошел в институт. Было очень больно, и ему было совершенно ясно, что он сможет убить Лизу. Поэтому лучше ему держаться от нее подальше. Человек, который понимает, что может стать преступником, наверное, не совсем конченый человек. На этом он и остановил анализ своих эмоций. Он не убьет ее, потому что хочет жить на свободе, а не потому, что она этого не заслуживает. Здравый смысл ему подсказывал, что она ему ничем не обязана и ничего не обещала, но здравый смысл в этом вопросе, кажется, потерял право голоса.

Глава 2

Сергей Кольцов, частный детектив, который остался в резерве Генпрокуратуры, проработав там немало лет и продолжая выполнять некоторые задания, согласился выполнять обязанности своего давнего друга, еще по Генпрокуратуре, Славы Земцова, начальника отдела по расследованию убийств. Отпуск был внезапным и вынужденным. Славе нужно было срочно поехать в Новочеркасск, где тяжело заболела его бабушка. Его единственная родственница. Мать рано умерла от рака, биологического отца ему как-то не довелось увидеть. Не особенно и хотелось. Ну, и так уж повелось, что отдел доверял он по жизни только Сергею. Они всегда работали вместе, но очень по-разному, постоянно пикировались, но каждый просто знал, что вместе у них рано или поздно все получится. Отпуск Слава не брал как минимум несколько лет. И тут все случилось, ехать надо было срочно, Сергей к такой каторге готов не был. Он работал по ночам, тащиться утром в отдел было пыткой. И мечтал он только об одном: вести только дела, начатые Славой, чтобы не свалилось на него какое-то новое убийство, дело, которое придется открывать самому.

В это утро Сергей понял: чего нельзя делать следователю, так это мечтать. Потому что убийство случилось. А он был не на подхвате, как частный детектив, не прокурор с надзором, не на вольном режиме, а в бюрократической клетке, где особо не развернешься, не пройдешь по грани законности, подставляя сотрудников. Соловей в клетке не поет, с тоской думал Сергей по дороге к месту преступления. Убита девушка. То ли на рассвете, то ли утром, «Скорая» и эксперт уже на месте. Вот они все. Сергей с тремя сотрудниками вышел из машины и, не торопясь, направился к газону сквера, где врачи уже составляли акт, а эксперт отдела Александр Васильевич Масленников шел к ним навстречу.

– Приветствую всех. Сережа, понимаю твои чувства. Все на лице. Одно дело – помогать или мешать Славе, другое – когда всё на тебе.

– Спасибо за сочувствие, надеюсь, не бросите меня. Я уже как-то забыл, что это значит: и отчеты писать, и свидетелей опрашивать. Для меня это давно вещи, мешающие сути. Или писать, или искать убийцу. Как получается. Что там, Александр Васильевич? Изнасилование?

– Да нет. Что странно. Дикое, точнее, дикарское убийство. Девушку догнали и били сзади по голове чем-то вроде металлической трубки, палки. Скорее всего, тяжелая литая палка, такие часто предпочитают слепые люди современной легкой трости. Она дает устойчивость и меньше стоит.

– Но вы же не думаете, что какой-то слепой это сделал?

– Да, Сережа, отсутствие свободы и ранние подъемы на тебе не очень здорово сказываются. Я описываю предмет убийства, а не убийцу.

– Уже сообразил. Плохо без Земцова, который всегда был крайним и глупее меня.

– Ладно, не комплексуй. Я все сделал, врачи тоже готовы увозить. Пойдем, посмотришь.

Сергей с Масленниковым подошли к телу девушки, явно невысокой, полноватой, в красивом пальто терракотового цвета с капюшоном, отделанным такого же цвета искусственным мехом. Элегантные, дорогие сапоги, руки в тонких перчатках. Вместо волос – комок подмерзшей крови, лицо искажено и тоже

в застывшей крови. Пальто было расстегнуто врачами. Под ним – строгое по фасону и очень нарядное по цвету платье: какой-то самый удачный и богатый оттенок бордового. Конечно, и в таком платье можно пойти на работу, но оно на рабочем месте уместно смотреться не будет. А девушка одета со вкусом и умением. Да и район спальный, здесь, наверное, только магазины, кафе, химчистки, парикмахерские… Вася, сотрудник, уже сделал фото во всех ракурсах. Только опознать будет нелегко. Разве что по одежде.

– Мы ее перевернули, – сказал Масленников. – Лежала лицом вниз. Звонок был по ноль-два. Отказались представиться. Оператор приняла и сообщила в наш отдел. Районные то ли отказались, то ли у них что-то сильно важное, как обычно. В общем, Сережа, как получилось, так получилось. Обрати внимание: нет сумки. В карманах – ни денег, ни документов, ни мобильного. Значит, все было в сумке. Слушай, могли просто из-за сумки. У меня было недавно дело, когда так же напали на женщину, у нее в сумке было пятьсот рублей. Выжила, трепанация черепа, инвалидность на всю жизнь.

– Озверели, подонки, – выдохнул Сергей. – Поймаем – начнет косить под невменяемого.

– Ну, это с нами не пройдет. Даже если невменяемый. Через этот сквер выход к нескольким домам. Микрорайон очень приличный. Стоянка там, за оградой. Может, она приехала на своей машине, может, на такси. Может, кто-то подвез.

– Мог и подвезти, чтобы потом изобразить «дикарское убийство» ради сумки.

– А неплохая версия. В любом случае, Сережа, погода нам в помощь. Снег с ночи идет. Что-то можно найти. Если твоя версия верна, то и сумка может быть выброшена неподалеку. После такого от нее избавляться надо быстро.

– Да это и не версия пока, а так, разминка мозгов. У такой девушки в сумке могла быть большая сумма, и кто-то об этом, возможно, знал.

– И в этом случае от сумки, документов и прочего надо избавляться.

– Придется нам с ребятами заняться прежде всего ароматной работой: палку по мусорным бакам искать. И сумку. Позвоню Толе, чтобы Дика привез. Он по запаху крови найдет. Вряд ли далеко выбросили. А скоро поедут машины

мусор выбирать. Вам большое спасибо. Вам тоже, – повернулся Сергей к врачам «Скорой». – Можете увозить.

Александр Васильевич закрыл свой знаменитый вечный портфель.

– Следов вокруг немного, но они разные. Кто-то прошел раньше, кто-то мимо, кто-то убил. Надо устанавливать ее личность.

– Не факт, что здесь жила. Могла как раз к кому-то приехать. Сколько ей лет, как вам показалось?

– Ты же видел, что с лицом. Если бы хотя бы на спине лежала, так бы не отекло. Все остальное – сейчас это не самый простой вопрос. Может быть и двадцать, и тридцать, и больше. Но разберемся, конечно. Да, забыл сказать: это произошло три часа назад.

– Значит, в семь утра. Могли быть свидетели.

– Ну, тут-то у тебя алгоритм есть. Ищи, как всегда, собачников. Кто еще гуляет в сквере в семь утра.

– Жаворонки, блин. В существование которых я не верю.

Глава 3

Артем находился в очень большой и яркой комнате, в какой на самом деле никогда не бывал. Из знакомых вещей – только рояль. И он стоя наигрывает мелодию «там-та-там-та-там-та там…». Из комнаты он видит какой-то огромный холл, по которому уходит Лиза. Она в бордовом платье, сняла с вешалки терракотовое пальто, он пытается ее позвать, но голоса нет, понимает, что нужно догнать, только ноги скованные. Он во сне понимает, что это сон. Что это ненормальный сон, потому что он слишком похож на действительность.

Его утром будила мама, он слышал и все понимал, но проснуться окончательно не мог. С ним было что-то не так. Как будто простуда или грипп. Мама потрогала

его лоб губами, а потом тихонько ушла на работу. Отец всегда уходил раньше. Пропустить день для них было нереально. В отделе осталось несколько сотрудников. В лаборатории – одна лаборантка. Поэтому полдня Ирина Васильева, мать Артема, проводила в лаборатории. Она знала, что тот день, в который наука, даже в маленьком объеме одного отдела одного НИИ, не продвинется на крошечный шаг вперед, она провалится на десятилетия, а может, и столетия назад. Это и есть главная аксиома науки в целом.

Через несколько часов после того, как за мамой закрылась входная дверь, Артему удалось открыть глаза, подняться, дойти до кухни и долго пить воду прямо из-под крана. Есть не хотелось – подташнивало. Он добрался обратно до кровати и упал на нее, на лету проваливаясь в полусон-полубред.

Было уже обеденное время, когда Артем понял, что противный, вонзающийся прямо в мозг звук – это звонок в дверь. Он заставил себя встать, натянул джинсы, которые валялись рядом с кроватью на ковре. Почему-то не было ни майки, ни футболки, ни джемпера. Наверное, мама забрала в бак для грязного белья. В дверь продолжали звонить. Артем открыл шкаф, взял чистую футболку, натянул, потряс головой, чтобы мозги встали на место. Но они не встали. Какая-то муть в голове, глаза режет. Может, не открывать и лечь опять? Но звонят так настойчиво, как будто знают, что он дома. Это может быть кто-то из родителей. Они часто забывали ключи. Чаще папа. Он все мог забыть: и ключи, и телефон. Постоянно витал в своих исследованиях. Артем пошел в прихожую и открыл дверь, не посмотрев в глазок, не спросив: «Кто там?»

На площадке стояли три незнакомых мужчины. На лестнице – еще один с немецкой овчаркой. Они смотрели на него как-то без всякого выражения и в то же время держались настолько уверенно, что было ясно: они не ошиблись. Один, высокий и синеглазый, показал красную корочку. Артем напряженно стал вспоминать, что значат эти буквы. Вспомнил. Это менты.

– А в чем дело? – спросил он.

– Добрый день, – сказал синеглазый. – Меня зовут Сергей Кольцов. Я руководитель отдела по расследованию убийств.

– И почему вы сообщаете об этом мне?

– Мы войдем, с вашего позволения, – сказал Сергей, и они вошли, просто отодвинув его от двери, которую сами и захлопнули. – Произошло убийство сегодня утром, примерно в семь часов. Девушку убили. И мы по следам и прочим уликам пришли к вашей квартире. Ничего не утверждаю пока, но у нас получилось, что убийца вошел сюда.

Артем прислонился к стене.

– Понимаете, я заболел, мне трудно вас понять. Но дома никого, кроме меня, нет. Где этот ваш убийца?

– Мы пришли по свежим следам. Ордер я не успел выписать. Но прошу разрешить нам осмотреть квартиру. Оперативная необходимость. Мы ведь все равно получим ордер. Повторяю: следы привели сюда. Это ваши ботинки? – Сергей поднял с пола темно-рыжие замшевые ботинки. – Мне придется их изъять. Они подходят по размеру, и подошва такая. Такие ботинки вообще оставляют четкие следы.

– А с какой стати вы будете их забирать? Они мне нужны.

– На них может быть кровь.

– Чья?

– Пока не знаем имени-фамилии. Это девушка, невысокая, полноватая, темно-русая, она была в бордовом платье и терракотовом пальто с капюшоном.

Артем покачнулся, потом зажал руками рот и бросился в ванную. Его стошнило. Он по-прежнему ничего не понимал, он явно не спал, но сон продолжался. Он стал чудовищным.

Глава 4

Галина Никитина, жена довольно известного бизнесмена, владельца сети ресторанов и бутиков, мать взрослой дочери Элизы, жила в мире старательно

и продуманно выстроенных компромиссов. Все, что могло бы стать проблемой, что могло бы стать огромной проблемой, она просто запускала в этот свой мир, как в лабораторию, чтобы рассмотреть с разных сторон. Что-то с одной стороны – ужас-ужас, как, например, явные измены мужа, с другой – это основа ее личной свободы, комфортного и обеспеченного состояния. У Виталия в принципе есть совесть и комплекс вины, и он хорошо компенсирует во всех отношениях, в том числе психологическом, свое, скажем так, жизнелюбие. Более того, он считает ее идеальной женой (еще бы он так не считал!), редкой женщиной, которая принимает его таким, какой он есть, ничего не требует, не устраивает никаких сцен ревности и скандалов. Его любовницы доставляли ему куда больше хлопот, от некоторых было столько неприятностей, что в какой-то момент для него было счастьем – просто избавиться. Галина продолжает нравиться Виталию как женщина. Она всегда ухоженна, со вкусом одета, у них полноценная физическая близость, этому как-то ничто не мешает. И самое главное: Галя – отличная мать их Лизочки; дочь в первые дни после рождения показалась обоим такой красавицей, что они решили дать ей сказочное, музыкальное имя Элиза. И она такой красавицей и выросла. Виталий, вполне самоуверенный человек, перед дочерью немного робел, хотя всегда пытался скрывать это за шутками. Ему казалось, что она настолько ярче и умнее их обоих, ярче всех, кого он знал вообще, что он был просто обязан лезть из кожи, но обеспечить ей существование принцессы. И это было самое малое, что он мог дать ей. Потому что, когда началась ее взрослая жизнь, появились серьезные ухажеры – это иногда были его партнеры или конкуренты, – он часто знал, что какой-то человек ей точно не подходит. Иногда это был просто очень плохой человек. Но ни он, ни Галя не вмешивались в ее личные отношения. А они часто бывали бурными, драматичными, это невозможно было не заметить. Элиза не была такой идеальной женщиной, как Галя. Она была лучше. Она была выше и сильнее компромиссов, она была требовательной и, наверное, ревнивой, страстной, в то же время крайне независимой, свободной, и потому разрывы с очередным претендентом происходили бурно, с объяснениями. Элиза никогда не пересматривала своего решения. Она уходила навсегда от того, в ком разочаровалась. При этом иногда очень страдала. Потому что прощать не умела, а привязанность, особенно физическая, в один день не проходит. И страдала она жестоко, потому что не отвлекалась искусственно, не принимала предложений родителей: путешествия, подарки. Она должна была сама с собой все покончить и поставить точку на периоде жизни. Чтобы в следующий период войти вольной, очищенной, не бросаться к кому-то или чему-то с затуманенными обидой глазами. Элиза не была ни расчетливой, ни алчной, не была ни интриганкой, ни тусовщицей. Она была сама по себе. И хотела, чтобы ее такой принимали. Только такой. Виталий однажды слышал, как Галина сказала дочери: «Никогда

не забывай, что есть судьба, и именно она позаботится, чтобы ты встретила своего принца». У Лизы был период разочарования, и она рассмеялась:

– Ох, мама, эти принцы – через одного козлы. Надо разбираться без судьбы. Она такого может наворотить!

Виталий подумал, что дочь, как всегда, права. Галина вздохнула. Девочка лишает себя возможности уйти от резкого решения, ответственности, сказать себе: «Это судьба» – и выстроить мир компромиссов, в котором можно очень комфортно себя чувствовать. Вроде бы все есть: красота, ум, богатые родители, возможности карьеры – Лиза скоро закончит МГИМО и может поехать в любую хорошую страну, отец что-то подыщет. Где-то есть самые настоящие принцы, она могла бы кому-то понравиться. То есть не могла бы не понравиться.
Но с таким настроем и характером в любых отношениях можно загнать себя в угол. Потому что мужчина и женщина даже в любви в какой-то степени остаются врагами, потому и называются «противоположными полами».
А любовь – это немножко война: кто кому подчинится. Галя тоже считала дочь очень умной, просто ее собственная позиция по жизни – самая разумная.
Так можно обойти горе от ума. Оно вообще не для женщины. Так думала Галя, но мысли свои озвучивать не имело смысла. Для Лизы существуют только ее мысли. Навязывать что-то дочери – не входило в жизненные принципы Гали. Это невозможно. Элиза не оценит Галиных достижений: ведь она всю жизнь ни разу всерьез не поссорилась ни с мужем, ни с дочерью. Это ли не семейное счастье? Лиза, конечно, сказала бы: «Нет, это приспособленчество». Поэтому Галина и не задаст ей такого вопроса.

Она собиралась к косметологу, когда позвонила подруга Люба.

– Привет. Как дела?

– Привет. Все нормально. Извини, опаздываю к косметологу.

– Да, я помню, что ты в это время ездишь. Галя, а Лиза дома?

– Нет. Ее уже два дня нет. Они с Игорем уехали на несколько дней к нему, в его дом. У него свободные дни появились, у нее сессия началась. Тоже свободные дни. А почему ты спрашиваешь? Она тебе нужна?

– Галь, а она тебе звонила от Игоря?

– Нет, она вообще в таких случаях не звонит, только по делу. А что?

– А ты ей не звонила? – Люба настойчиво не отвечала на вопросы.

– Нет… Люба, в чем дело?

– Даже не знаю, ерунда, конечно. Просто решила спросить. Ну, ты знаешь, по телику страшилки всегда показывают. Девушку только что показали. Издалека. Неживую… В вашем районе. Произошло, сказали, в семь утра.

– Люба, такие вещи показывают каждый день. Почему ты позвонила мне?

– Лица было не рассмотреть… Пальто на ней такое, какое вы Элизе в Италии купили. Ну, очень похожее. И сапоги тоже. Сказали: если кому-то известно, кто-то пропал, кто-то узнал, в общем, как всегда… Телефон написан. Для сообщений.

Галина резко разъединилась и набрала номер дочери. Ждала долго. Телефон не отвечал. Лиза часто не отвечала на звонки. Галина не чувствовала особенного беспокойства. Игорь обычно привозит Лизу домой. С какой стати она могла бы оказаться одна, да еще так рано? Пальто на ней – не какой-то эксклюзив, оно недорогое. Они купили его в обычном магазине. Лизе понравился цвет, он ей очень шел, там капюшон с искусственной опушкой, а она не носит натуральный мех. То есть такие пальто могут быть не у одной девушки.

Вновь позвонила Люба.

– Ну, что? Ты ей звонила?

– Она не берет трубку. Она часто так делает. Люба, таких пальто может быть много, как ты не понимаешь?!

– А в каком платье она поехала к Игорю?

– В том бордовом, в котором была на моем дне рождения, помнишь?

– Помню. Галя, включи телевизор. Передачу «Криминал». Там это объявление передают время от времени. Девушка в бордовом платье. И терракотовом пальто с капюшоном. Невысокая, полноватая… Я уверена, что это не Лиза, но… Господи боже мой. Думаешь, мне легко тебе это говорить? Надо узнать, что все в порядке, вот и все.

Галина позвонила подруге через сорок минут. Голос ее дрожал.

– Я посмотрела. Люба, там что-то ужасное вместо лица, но все остальное очень похоже. Ее телефон не отвечает. Я дозвонилась до Игоря, он сказал, что она уехала от него на такси в шесть утра. Сказала, что ей нужно учебник почитать перед экзаменом. Я забыла, что у нее сегодня экзамен. Убитую девушку нашли в нашем сквере. Что это, Люба?

– Пока просто ничего. Ты сама сказала: каждый день какие-то ужастики передают. И пальто таких может быть много, и платьев бордовых полно. И по вашему скверу ходит много людей. Просто нужно звонить по этому телефону… Почему ты молчишь? Ты меня слышишь?

– Да. Я боюсь.

Глава 5

Сергей позвонил Масленникову, тот сказал, что как раз подходит к квартире. Он вошел в открытую дверь через три минуты, вежливо поздоровался с хозяином квартиры, которым, по всей вероятности, был симпатичный, наверное, в другой ситуации парень, но сейчас у него было лицо, бледное до синевы, расширенные глаза и зрачки, запекшиеся губы, он сжимал явно дрожащие руки. Плохо так нервничать перед следователями.

– Это Артем Васильев, – сказал Сергей. – Мы пришли просто по следам этих ботинок. Дик привел. Ближе этих отпечатков у тела тоже не было. Остальные затоптаны уже или обрываются, видно, у машин. И человек в таких ботинках не просто шел мимо. Он там как минимум стоял – до убийства или после.

– Мог посмотреть и просто уйти, решив не звонить никуда. Так часто делают. В любом случае Артем мог знать эту девушку, сквер практически рядом с его домом. Вы ему фото показывали?

– Да нет, не успели. Он немного нездоров вроде. Пусть придет в себя. Мы пока поработаем. Снимки Вася недавно распечатал. Отвез на ТВ, сделали в щадящем ракурсе, звонков нет.

– Да, Артем, – сказал Александр Васильевич. – Вид у вас неважный. Надеюсь, Сережа вам объяснил, что это первые попытки что-то найти, узнать по горячим следам. И до результата очень далеко. Вы бы пока пошли на кухню и выпили горячего сладкого чая, станет легче. Сережа, я так понял, ты в пакет засунул ботинки Артема?

– Говорю же: мы по их следам и пришли.

– Таких ботинок сейчас очень много. А человека можно насмерть перепугать. И потом, может, у него других и нет. Раз я здесь, я все, что нужно, сделаю сейчас. Тащить их в лабораторию не нужно. Для дела достаточно фото. Артем, не вздрагивайте. Фото ботинок, а не вас, и только в качестве подтверждения проведенных следственных действий. Пейте чай. Приходите в себя, нам ведь надо поговорить. Вдруг вы узнаете девушку на фото?

Когда Артем вышел, Масленников тихо сказал:

– Я потом возьму у него анализ крови. Он не столько испугался, сколько под дозой, мне кажется.

Пока Масленников снимал отпечатки и соскобы с ботинок, ребята осмотрели поверхностно спальню, Сергей взял с тумбочки мобильник и перегнал к себе контакты. Масленников занялся единственной курткой на вешалке, которая могла принадлежать Артему. Остальные молча и целенаправленно вошли в ванную. Если человек вернулся домой утром, то он где-то должен был раздеться. Сейчас на Артеме явно свежепостиранная футболка. Где-то должна быть вчерашняя одежда. Бак с грязным бельем, стиральная машина… Сергей достал из бака несколько маек и флисовую кофту с капюшоном. Воспользовался своим нюхом борзой и выбрал одну майку и эту кофту. Он поймал легкий запах дезодоранта и пота. Свежее сочетание сегодняшней ночи. И на майке,

и на кофте пятна. Похоже, посидел в какой-то компании за столом. Вошел Масленников, Сергей протянул ему вещи. Тот очень внимательно осмотрел и сказал:

– А это придется все-таки изымать и проверять в лаборатории. Куртку тоже. На этой кофте на манжетах кровь. На куртке – в разных местах. Возможно, его кровь: неаккуратно кололся или с кем-то дрался. Возможно, того, с кем дрался. Многое возможно. Сережа, ты что-то успел узнать об этом парне?

– Ну, так, по дороге, у соседки. Я сказал, что мы из фирмы, в которую он прислал резюме. Она сообщила все, что могла. Семья приличная, живут по средствам, то есть бедно, мать вроде из рода какого-то декабриста, они с отцом – ученые, Артем учится в институте, в свободное время подрабатывает курьером. Иногда встречается с женщинами. Тут она собиралась завестись надолго, но пришлось прервать. Слишком интересно.

– Легкомысленная соседка. Вряд ли есть фирмы, которые ходят по резюме.

– Вообще-то ходят, особенно левые. Но соседке это было глубоко фиолетово. Я мог бы сказать, что мы гуманоиды. И хотел. У нее на лбу такое любопытство написано: он из тех, кто выходит всех цеплять.

– Подробная характеристика. Видно, соседка семью действительно знает. А ведь если бы парень был алкоголик или наркоман, то соседка в первую очередь сообщила бы об этом. Ладно. Пойду к нему, возьму анализ крови, потом показывай, Сережа, ему фото. Орудия убийства не нашли?

– Что значит – не нашли, – невозмутимо сказал Сергей. – Оно в машине. Из мусорного бака. Рядом с этим домом. Литая металлическая палка с резиновым набалдашником. На ней плохие пятна. Кровь, мозг, видимо. Все достаточно свежее. Тоже Дик нашел.

– Ничего себе дела у вас пошли! Один совет – не слишком увлекайся, Сережа. Пока результата нет. А с парнем не передавить бы. Если он после дозы, то мало ли что… Все воспринимает гипертрофированно.

– Спасибо за совет, – вежливо ответил Сергей. – Я ищу убийцу, а не собираюсь организовать суицид. Уж как-нибудь придется душевно сотрудничать.

– Люблю твой пафос, но у нас пока нет убийцы.

– Нет – так сделаем, – просиял своей голливудской улыбкой Сергей. – Что нам стоит, фальсификаторам и живодерам?!

– Хорошо, – кивнул Александр Васильевич. – Хорошо, когда хоть один человек весел в такой ситуации.

Александр Васильевич немного побыл с Артемом на кухне. Спросил у него, не дрался ли он с кем-то этой ночью. Тот ответил, что не помнит такого.

– Может, падали? – спросил эксперт. – На ваших вещах следы крови.

– Может, и падал. Я выпил, было скользко. Мы с друзьями в пивной посидели.

– Что пили?

– Там только пиво…

– Вы пили не только пиво. Или не пили. Можно посмотреть руки?

У Артема были вены здорового человека, который никогда не кололся. Но есть другие части тела, можно нюхать, можно чего-то такого глотнуть. Артем не то чтобы совсем успокоился, он стал совершенно равнодушным. Ему хотелось только одного: чтобы эти люди поскорее ушли. Он сам был уверен, что у него грипп. Температура оказалась нормальной. Он спокойно протянул руку, чтобы Масленников взял анализ крови. Даже сказал, что уверен, что это его кровь на вещах. У него слабые сосуды, часто идет кровь из носа, режется при бритье. У кого-то и царапины нет, а у него брызги во все стороны. Он как будто забыл, из-за чего к нему пришли. И отпечатки пальцев у него взяли спокойно.

Когда Сергей положил перед ним фотографию убитой девушки, он опять побледнел. Но взял снимок в руки и смотрел очень внимательно.

– Из-за этого лица я не могу сосредоточиться. Но я уверен, что не знаю эту девушку. Она просто одета, как моя бывшая одноклассница.

– Кто именно?

– Элиза Никитина. Но с ней точно все в порядке. Я видел, как пару дней назад она уехала со своим мужчиной. Она вообще практически не ходит пешком. Во всяком случае, я такое очень редко вижу.

– У тебя есть ее телефон?

– Видимо, нет. То есть она мне давала давно. С тех пор, наверное, сто раз поменяла номер.

– Прошу прощения, – сказал Сергей. – Какие-то отношения были? Когда-нибудь?

– Нет. Никаких.

– Она тебе нравится?

– Чем вызван такой вопрос?

– Одежду ее знаешь, когда с мужчиной уехала, ходит ли пешком…

– Она всем нравится. Даже Бетховену, – не улыбнувшись, сказал Артем.

– Да, «К Элизе». Я тоже ходил в музыкальную школу. Но у меня не было такого шикарного рояля. Здорово играешь?

– Совсем не здорово. И давно не играю. «К Элизе» могу одной рукой.

– Пытался ухаживать за Элизой Никитиной?

– Нет. – Тут Артем улыбнулся. – В этой очереди я никогда не стоял.

В машине Сергей меланхолично спросил у Масленникова:

– Мы не видим у Артема мотива, а?

– Сережа, о чем ты? Вы говорили о его однокласснице, которая, как он уверен, жива. Он не узнал ее на фото. Вел себя спокойно, допускает, что на одежде его кровь. Собственно, ничего другого и не допускает. Конечно, придется убедиться в том, что с Элизой Никитиной все в порядке, но жертва пока не опознана.

– Это понятно. Я к тому, что он на эту одноклассницу вроде бы запал. А его даже в очередь не поставили. Если ревность, если под дозой увидел девушку в похожей одежде и… просто свихнулся?

– Но такой палки у него точно быть не могло.

– Вырвал у какого-то прохожего, к примеру. Ну, тут я вообще проблемы не вижу.

– Проблема лишь в том, что мы везем, скорее всего, не улики против Артема Васильева, а их отсутствие.

– Следы привели к этой квартире. Вы же подтвердили, что это именно его следы.

– Он мог проходить мимо. Но утром он был совсем в плохом состоянии. Мог остановиться и ничего не понять. Ямщик, не гони лошадей!

– Этот совет мне нравится. Вижу, мы сейчас влупимся в такую милую пробку. Я посплю, с вашего разрешения. Я пришел к выводу, что это полезнее, чем материться.

Глава 6

Виталий Никитин сидел в своем кабинете за большим офисным столом из дорогого дерева. Все на этом столе было электроникой последних версий, все было идеально приспособлено для его работы и радовало глаз. Вошла секретарша с серебряным подносом, на котором стояла кружка с горячим кофе, соленые орешки, сливки. Виталий взял у нее из рук поднос, ласково улыбнулся. Когда она шла к двери, он взглядом коллекционера внимательно смотрел на ее фигуру. Не Венера, но складная, аккуратная, хорошо причесанная и ходит по-человечески, ничем не виляя, и ноги не заплетаются в попытках ходить

от бедра. Он знал, что у него с этой девушкой будет дальше, исходя из этого, и выбирал ее, уволив предыдущую. Виталий не видел в этом ничего плохого. Насиловать он никого не собирается. Просто мужчины и женщины должны дарить друг другу радость. И тот факт, что особой, безумной радости он как-то и не словил в этих своих регулярных попытках, не говорит о том, что к этому не стоит стремиться. Жизнь так коротка…

Позвонил телефон, он взглянул на дисплей и удивился. Галя почти никогда не звонила ему на работу. Он даже не помнит, чтобы звонила. Она считала, что все домашние, семейные вопросы должна решать сама, не отрывая его от дела. Но если, к примеру, заболела Лиза… То и в этом случае она не звонила. Но дочь, кажется, серьезно и не болела никогда. Неужели… Сейчас многие попадают в аварии. Ни о чем другом, кроме Лизы, Виталий и не мог подумать. Галя не позвонила бы, если бы заболела сама.

– Я слушаю, дорогая.

– Извини, Виталик, я не помешала?

– Нет, все нормально. Кофе решил выпить. У тебя голос странный. Ничего не случилось?

– Да нет, ничего… Я не знаю. Я даже не знаю, как тебе сказать.

– Галя, что с тобой? Ты всегда знаешь, что и как сказать. Пожалуйста, скажи и сейчас все – информацию в полном объеме. Только такой разговор имеет смысл.

– Конечно. В общем, ты знаешь, что Лиза поехала к Игорю. Когда вернется, точно не сказала. И вдруг мне недавно позвонила Люба и говорит… В общем, программа «Криминал» дает объявление об убитой девушке. В нашем сквере. В семь утра. Показывают ее издалека. Рассмотреть трудно, но…

– Какое «но»?! – Виталий, умом понимая, что этого вроде бы не может быть, был почти в панике и с трудом это скрывал.

– Девушка одета в такое пальто и платье, какие были на Лизе. Я понимаю, что таких может быть много, но девушка тоже невысокая и полноватая. Так сказали. Да, и сапоги похожие.

– О чем ты говоришь! Ты видела ее по телевизору и не можешь сказать, что… это не Лиза?

– Лицо… Его невозможно рассмотреть.

– Но ты звонила им?

– Конечно. Игорь сказал, что у нее сегодня экзамен, она не готова и уехала от него на такси в шесть утра. Дома ее не было.

– Это какое-то чудовищное совпадение. Я сейчас найду эту передачу. Там есть какие-то телефоны?

– Да. Запиши.

– Ты не звонила?

– Не смогла.

– Я позвоню. Уверен, что все это какой-то бред. Мне давно казалось, что Игорь раздражает Лизу, уехать на такси в шесть утра она не могла из-за экзамена. Ты сама-то веришь в эту причину? А у нее точно сегодня экзамен?

– Сейчас я уже ни в чем не уверена, но мне кажется, что да. Позвонить – проверить, – я не в состоянии.

– Не нужно. Это не так важно. Даже если сегодня, ее там может еще не быть. Принимают до вечера. Возникла, скорее всего, ссора, она вспылила, и, возможно, за ней заехал кто-то другой. Ты знаешь, она иногда так поступает, когда собирается поставить точку. Не оставлять надежды. Если бы дело было в экзамене, она позвонила бы мне, чтобы я прислал водителя. Но Лиза не встанет просто так в шесть утра!

– Вот ты так все разложил, мне кажется, так и есть. Говорю с Любой – меня трясет от страха.

– Ты просто душечка, моя дорогая. Внушаемая. Да, я уверен, что все скоро выяснится. Конечно, плохо, что дочь не просто не приучена звонить нам время от времени, но и приобрела дурную привычку – не отвечать на звонки.

– Ты меня упрекаешь?

– Да нет, что ты. У Лизы такой характер, что приучить себя к какому-то режиму могла только она сама. Девочка сильнее и тебя, и меня. С ней ничего не могло…

– Ты не позвонишь по тому телефону? – прервала Галина.

– Разумеется, позвоню, предварительно посмотрю это объявление. Если они так часто его показывают, наверняка уже кто-то ее узнал… Просто интересно, нашлись ли родственники несчастной.

– Я буду ждать, – сказала Галина, разъединилась и застыла, глядя на телефон. Ждать она умела. И мужа, и дочь.

Она сидела и думала, сколько лет ее жизни уходит на ожидание? Каждый день несколько часов – точно. Она дождется и сейчас. Все прояснится. Разговор с мужем ее почти успокоил.

Глава 7

Звонок от Виталия раздался примерно через час.

– Извини, дорогая, что так долго, – небрежно сказал он. – Там два телефона, оба постоянно заняты. Но я дозвонился.

– Столько людей звонят по поводу этой девушки?

– Нет конечно. Им звонят по разным поводам. Но и по поводу девушки звонят… немало.

– Виталий, не тяни. Девушку опознали близкие?

– Пока нет. Собственно, доехать успели несколько человек, звонков больше, время назначают следователь и эксперт, еще продолжают звонить. Представляешь, так много девушек носят такие платья и пальто…

– Ты спросил: все девушки имеют отношение к нашему району?

– Спросил. Нет конечно. Девушки часто ездят в гости к приятелям, подругам, на вечеринки…

– Было утро…

– Вечеринки кончаются утром.

– А те, которые смотрели… Они что сказали?

– Платье не того фасона, пальто на другой подкладке, другой размер обуви, не те сережки… Ну, ты понимаешь, родинки, другие подробности, зачем мне тебе это перечислять. Одна девушка, кстати, позвонила матери прямо в морг. Мать потеряла сознание. Такие они, девушки. Не то на уме. Как я понял, Лиза не появилась и не звонила? – постарался как можно легче спросить Виталий.

– Удивительная понятливость, – убито ответила Галина. – Что мы делаем?

– Детка, мы тоже едем. Как все эти люди, мы едем убедиться в том, что это не наша дочь.

Через час Виталий заехал за Галиной, и они поехали в морг, не веря самим себе, что это происходит с ними. Они молчали. Галя несколько раз доставала телефон, но не звонила.

– Правильно, – наконец произнес Виталий. – Что ты будешь ей названивать, себя накручивать? Нас ждут следователь и эксперт, мы будем на месте через

полчаса. Я же сказал: одна умница уже позвонила маме прямо в морг. Ты понимаешь, у всех этих девушек, родные которых так переволновались, как и у нашей Лизы, есть смягчающее обстоятельство: они понятия не имеют о том, что по ТВ прошел такой сюжет.

– Да, конечно, – сухо ответила Галина. – Чувствуется, что ты пообщался со следователем. У тебя появились юридические термины: «смягчающие обстоятельства». Я бы хотела, чтобы этот день наконец закончился. Это самый плохой день в моей жизни!

Виталий внимательно взглянул на жену. Он сразу подумал о том, что другие плохие дни в ее жизни были связаны с ним. И он, бывало, по несколько дней не отвечал на звонки жены, чтобы не портить настроения другой женщине. Но это, конечно, совсем не то. Галина хорошо ориентируется в их круге знакомых, «сарафанное радио» наверняка держит ее в курсе, где он и с кем. Сейчас, конечно, все совсем иначе. Хотя они бы нисколько не беспокоились, если бы не эта информация. Лиза бывала у Игоря по несколько дней. Могла быть и неделю. Он – человек неконтактный, даже замкнутый, она с ним тоже старается лишний раз не звонить. А зачем? Она не любит пустых разговоров. Просто этот его странный ответ: «Она взяла такси в шесть утра». Ну, допустим. Ну, проснулась и решила уехать, как выяснилось, вовсе не домой и не в институт. Для нее характерны такие поступки. Но он что: совсем дурак? Не мог тоже один раз встать в шесть утра и отвезти свою девушку? Ответа два. Первый – Игорь действительно дурак, Виталий никогда в этом не сомневался и был уверен, что очень скоро Лиза примет решение и бросит его. Второй – Игорь ни при чем. Лиза не дала ему такой возможности по той причине, что уезжала от него навсегда. Но все так ужасно совпало. Платье, пальто… Виталий никогда не отличит их от других подобных. Галя наверняка сможет.

– Ты в порядке, дорогая? – спросил он. – Мы приехали, нужно морально собраться.

– Да, конечно, – ровно ответила Галина. – В порядке.

Они припарковались во дворе. Сергей Кольцов подошел к машине, подал Галине руку, когда она выходила, представился.

– Ее уже узнали? – быстро спросила Галя.

– Нет, – коротко ответил Сергей. – Не все звонившие приехали.

Виталий подошел, протянул Сергею руку и почувствовал, что не получается улыбнуться. Скорее бы закончился этот бред!

– Пойдемте, – сказал он Сергею. – Надеюсь, все сейчас прояснится. Для нас, я имею в виду.

– Да, буду рад, – сказал Сергей. – Александр Васильевич, эксперт, нас ждет.

– Вы что-то узнали? – спросил по пути Виталий.

– Как сказать? Есть один подозреваемый. Но никаких подтвержденных улик нет. Все в работе.

– Кто, не секрет?

– Пока секрет, прошу прощения. Говорю же: улики не проверены. Не называю еще и потому, что вы его наверняка знаете. И у нас может быть любое количество таких подозреваемых, поскольку следствие работает в вашем районе, где и был найден труп.

– Понятно, – сказал Виталий и впервые в жизни почувствовал бурный гнев по отношению к дочери. Как она могла так эгоистично поступить с ними: просто прервать связь. Она, конечно, не знает, что произошло. Но это не оправдание на самом деле. Это он просто Галю так пытался успокоить. А Элиза – взрослый человек и должна знать, что такие вещи случаются. И должна считаться с чувствами близких.

Эксперт встретил их на пороге морга. Он был в халате, со спущенной марлевой повязкой, в хирургических перчатках. Он просто им кивнул и проводил в раздевалку, где им выдали халаты, повязки, бахилы. Они вошли в анатомический зал, он снял простыню с тела на каталке.

– Лицо пока прикрыто. Одежду не снимали. По ней уже несколько раз людям было ясно, что это не их дочь, родственнница… Потом девушки объявлялись. Если все очень похоже, тогда… Нужен подробный осмотр.

Виталий крепко сжал локоть Галины и подтолкнул ее вперед.

– Смотри ты. Мне вообще кажется, что я не видел ни этого пальто, ни этого платья.

Галя быстро и уверенно подняла полу пальто. Она внимательно рассматривала подкладку. Затем провела рукой по глубокому вырезу платья.

– Ты видел это пальто. И это платье ты видел, – произнесла она громко. – Лиза это часто надевала. Да, такие пальто могут быть у многих, но мы выбирали с необычной шелковой подкладкой цвета чайной розы. Это не очень удобно: нужно постоянно чистить, – но очень красиво. И нам однажды вернули из химчистки с дырочкой рядом со швом. Видно, за что-то зацепился тонкий шелк. Лиза так расстроилась почему-то… Я знала, что она не будет носить одежду с дыркой. Сказала: «Ну, бог с ним. Купим другое». Но она чуть не расплакалась. И я сама, руками, это зашила. Купила шелковые нитки точно такого цвета. Виталик! Ты меня понимаешь? Ты видишь, что здесь ручная строчка?

– Нет конечно, – пробормотал Виталий. – Я ничего не вижу, я в этом ничего не понимаю. Даже если все так, как ты говоришь, это могло случиться еще с кем-то. Раз такой тонкий шелк…

– Да, могло, – ровно согласилась Галя. – Хотя теперь это легко проверить, потому что мои нитки остались дома, и эксперт определит… Каждая женщина руками шьет своим почерком, так сказать. И еще. Мы к этому платью, вроде бы совсем обычному, заказывали на отделку выреза кружева ручной работы. Такого же цвета. Это молодежный, дизайнерский магазин, у них есть такие услуги. Эта отделка едва ли не дороже всего платья. Посмотри, какое кружево… Именно оно уникальная работа. Тоже: раз ручная работа, почерк мастера. Импровизация. Она мне говорила, что никогда не повторяется.

Виталий с ужасом смотрел на лицо жены. Ее губы как будто высохли, глаза застыли на пол-лица. Значит, кошмар только начинается…

– Мне кажется, вам нужно отдохнуть и успокоиться, – вмешался Масленников. – Вы сейчас поедете домой, с вами наш сотрудник, который возьмет нитки. Все может быть совпадением.

– Да нет же! – воскликнула Галина. – Теперь я должна осмотреть свою дочь как следует. Я вижу ее сапоги, это ее ножки… Вы ведь ничего не трогали, да?

– Да.

– Я знаю все ее белье. Кто-то мне что-то говорил про родинки. Ты, наверное, Виталий. Так вот: у Элизы нет ни одной. Я думаю, что таких людей очень мало.

– Это так, – сказал Масленников.

– Уйдите, – потребовала Галина. – Оставьте меня с ней.

Мужчины вышли. В предбаннике Виталий почти упал на стул. Он не мог ни о чем думать. Какое-то время он чувствовал себя как под заморозкой, а потом вдруг резкая боль растеклась по груди, левому плечу, руке… Он застонал. Масленников быстро взглянул на него и побежал в кабинет. Вернулся с двумя наполненными шприцами.

– Не надо, – невнятно проговорил Виталий. – Я никогда не болею. И сердце… в первый раз. Просто не привык.

– Надо, – сказал Масленников, помогая ему снять халат и пиджак. – Это так и начинается у тех, у кого никогда…

– Что это?

– Инфаркт. Точнее, предынфарктное состояние. Мы сейчас с ним справимся.

Он уложил Виталия на диванчик, сделал инъекции, проверил пульс и давление. Потом налил в мензурку немного коньяка из своего безразмерного портфеля. Боль прошла. Сердце как будто улеглось удобнее. Виталий сел.

– Почему ее так долго нет?

– Сейчас Сережа посмотрит, – сказал Масленников.

– Да, мой генерал, – тоскливо произнес Кольцов и пошел туда, где разворачивалась трагедия, которая ему так не нравилась. Там мать, которая сначала спокойно смотрела на чужой как будто труп, теперь узнает в нем свою дочь. Явно очень любимую. Что он ей скажет? «Мы найдем убийцу»? Но ей нужна живая дочь, а не убийца. «Наша работа – без результата», – обреченно подумал Сергей и открыл дверь.

Глава 8

Прошло еще немало времени, пока они вдвоем вышли: Галина и Сергей. Виталий и Масленников пристально смотрели на лицо Галины. Они оба заметили, что она уже не такая бледная, на скулах появились даже темно-розовые пятна. Глаза блестели. Она была очень возбуждена! Сергей заговорил первый:

– Ситуация не прояснилась, она, скорее, усложнилась. Для нас. Ничего более странного я еще не встречал. Но, Виталий, ваша жена не опознала Элизу в покойной девушке, хотя вещи на ней, по ее мнению, точно принадлежат вашей дочери. И девушка очень похожа.

– Я сама скажу, – взволнованно перебила Галина. – Это точно пальто и платье Лизы. В кармане пальто носовой платок и перчатки. Платки – крепдешин с ручной вышивкой, мы купили их много. Они лежат в ее шкафу. Можете взять для сравнения. Перчатки из тонкой кожи мы тоже не так давно купили шесть пар: разных цветов. Одна фирма, не перепутаешь.

– Да, это все можно уточнить, – сказал Сергей.

– Но такая странная вещь. На этой девушке полукорсет с резинками для чулок. Мы такие заказываем у одного мастера. Это точно Лизин. Она всегда капельку своих духов капала на грудь, между чашечками бюстгальтера. Запах сохранился. Это французские селективные духи. Passage d’Enfer. «Дорога в ад». Да, такое название, не смотрите на меня так.

– Что это за духи? Что такое «селективные»? – спросил Сергей.

– Они еще называются «нишевыми». Очень элитные, но нераскрученные. Выпускаются малыми партиями. О них мало кто знает. Продаются в редких магазинах.

– И вас угораздило найти духи с таким названием, – произнес Виталий.

– Элизе они понравились, как все нестандартное. Поэтому сомнения в том, что вещи ее, практически отпадают. Но! Самое странное. Полукорсет с резинками есть, а чулки на подвязках! Лиза никогда не носила чулки на подвязках. Она где-то прочитала, что это вредно: могут со временем вены проступить. Вы – мужчины, – нервно сказала она. – Вы меня не понимаете, кажется. Если на девушке полукорсет, чулки пристегиваются к нему резинками. Если чулки с подвязками – это такие штуки вокруг ноги, мужчины их ловят в стрип-баре, то резинки не нужны. Это несовместимо. То есть, скорее всего, девушка надевала разные вещи, а потом поехала в чем была.

– Какой-то полный кошмар, – сказал Виталий. – Все вещи Лизы, а чулки чужие, что ли?

– Я не знаю, – ответила Галя. – Элизе часто дарили этот, как она говорила, «проститутский набор»: стринги и дорогие чулки на подвязках. Но она и стринги не носила, тоже считала вредными. А на девушке стринги. Все это новое лежит в ее шкафу в красивых коробках.

– Боже, – сказал Виталий. – Я не понимаю, Галя, чему ты обрадовалась. Ну, мне показалось, что ты как-то оживилась. Этот идиот Игорь мог ее попросить взять для сексуальных игр всю эту ерунду, раз это у нее есть.

– Да-да, мог, – ответила Галя. – Ты не даешь мне сказать главного. Это не Лиза! Вещи ее, даже чулки и стринги могут оказаться ее, но это другая девушка. У Лизы очень ровные ножки, у этой в бедрах немного искривленные. И у нее есть родинки! Одна очень крупная, выпуклая на левой груди. Я многое могу сказать. У девушки другой формы руки, шершавые локти: витаминов не хватало. У Лизы округлые колени, у этой более острые. И под одной коленкой заметный старый шрам. Это не Лиза!

– Мы поняли вас, Галина, – заключил Масленников. – Этот вопрос мы окончательно закроем, когда возьмем у вас кровь для генетической экспертизы.

Понятно, что мать не может ошибиться, но ситуация настолько непонятная даже для нас, что мы просто обязаны проверить то, что вы говорите. У меня и версии пока нет. Кто-то из ребят подъедет с вами, возьмет какие-то нестираные вещи Элизы, щетку для волос, зубную… В общем, нужно убедиться в том, что вы правы: вещи Элизы, но это не она. Мы сделаем все быстро. Но, Сережа, Элизу нужно искать, если она в ближайшее время не появится. Ситуация с одеждой, с тем, что подбиралась явно очень похожая девушка, – это не банальное и не случайное убийство из-за сумки.

– Что вы этим хотите сказать? – тревожно спросила Галина. – И вы все еще не уверены, что там – не Элиза?

– Ничего, кроме того, что уже сказали вы, – ответил Масленников. – По поводу трупа. Мы просто должны проверить ваши слова. И зафиксировать результат. Для нас вы пристрастный свидетель в стрессовом состоянии.

– Я сама хочу, чтобы вы мне показали документы, где написано, что это – не Лиза. Мне что-то могло показаться, что-то не могло не измениться. Но если все подтвердится, то почему Лизу нужно срочно искать вам? О чем вы говорите?

– Убитую девушку, возможно, кто-то хотел выдать за Элизу.

– Зачем?

– Знаете, – сказал Сергей, – иногда следствие именно на такой простой вопрос ответить не может вообще. Слишком много тараканов у людей в головах. Возможно, Лизу нужно было на время просто скрыть, может, ей кто-то угрожал. Она попросила похожую девушку доехать до ее дома. Вот просто говорю от балды, поскольку гадать пока не имеет смысла. Надо действительно проверять.

– Сережа, – заметил Масленников, – эта девушка, которую Элиза могла попросить доехать до своего дома, чтобы сбить кого-то с толку, могла остаться в своем белье.

– Ну, мы еще ничего не проверили. И один мастер обслуживает не одну клиентку, и самыми редкими духами пользуется не одна девушка.

– Ваша версия исключена, – жестко сказал Виталий. – Лиза никогда не подставила бы другого человека. И она никогда не унизится до того, чтобы прятаться.

– Это так, – подавленно произнесла Галина. – Я начинаю думать, что с Лизой что-то случилось. Что таким образом просто путают следствие.

– Почему вы не допускаете элементарных вариантов? – спросил Сергей. – Что Элиза просто поучаствовала в какой-то игре, интриге. Как ей казалось. Она могла не знать, чем это закончится. А, возможно, дело было как раз в том, чтобы убить другую девушку, сделав ее похожей на Элизу. Разобраться в этом, не взяв в разработку Игоря Сечкина и его компании, вряд ли возможно. Там что-то произошло. В любом случае. Мы можем там даже найти Элизу.

– В каком смысле? – воскликнула Галина. – Мертвую?

– Почему… Она может отсыпаться, лежать в халате и смотреть кино. Она может не знать, что произошло.

– Как это возможно? – спросил Виталий.

– Допустим, ей подсыпали снотворное. Но пока это пустой разговор. Адрес Сечкина я уже пробил. Мы едем без предупреждения, разумеется. Вы остаетесь здесь для экспертизы. Потом наш парень заедет с вами домой взять какие-то вещи Элизы. А потом… Не исключаю, что мы привезем вам вашу дочь в другой одежде. И никуда она в шесть утра не уезжала от Сечкина.

– Ее телефон уже заблокирован, – глухо сказала Галина. – Его тоже.

– Бывает, – ответил Сергей.

Глава 9

Артем чувствовал себя ужасно. Он сидел в казенных кабинетах, у него взяли анализ крови и отпечатки пальцев. Ему задавали, наверное, опасные вопросы,

в них был подвох, а он не был в состоянии собраться с мыслями. Он сам как будто со стороны все это слушал и понимал, что отвечать следует информативно и бесстрастно. Он видел и чувствовал, что этим его постоянным «я не помню» никто не верит. Если бы он знал, что за ним придут, если бы ему не было так плохо, он бы подготовился. Он бы отвечал четко и уверенно, так что об эти ответы разбились бы все их подозрения. Он никогда не был в такой ситуации, но понял уже, что этим людям нужно говорить правильную неправду. Что-то очень стереотипное. Любая реальная подробность выводит их на ряд уточнений. В результате получается, что он то ли что-то скрывает, то ли оправдывается, а это деморализует его и все больше настораживает их.

А потом принесли результаты лабораторных исследований, и Артем понял, что ему не спастись. Отпечатки его ботинок были сфотографированы рядом с телом убитой девушки. На металлической тяжелой палке была ее кровь и его отпечатки пальцев. На его одежде была именно ее кровь. Он должен был все это объяснить, но он не мог. И тогда они показали результат еще одной экспертизы. На пластмассовых поверхностях их домашнего туалета был кокаин. Они сказали, что это не смывается. Спрашивали, как давно он его нюхает, было ли это в ту ночь. Да, он иногда это делал. Но ему никогда не было так плохо, как этим утром и днем. Он так и сказал.

Усталый парень, которого все называли Васей, спокойно сказал:

– Рано или поздно всегда случается передоз, если начинаешь нюхать и колоться. Вот отсюда все твои «не помню». Теперь я тебе верю. Только убийство под дозой стоит столько же, сколько убийство без нее. Ты дашь сейчас подписку о невыезде, тебя отвезут домой, чтобы ты отоспался, а завтра за тобой приедут, и говорить ты будешь с нашим руководителем Сергеем Александровичем Кольцовым. Ответить надо будет на такие вопросы: где ты был ночью, случайно ли встретил девушку, которая предположительно является Элизой Никитиной, или знал, что она в это время пойдет по скверу. Ну, и самое главное: что ты к ней испытывал в нормальном состоянии, была ли ревность, ненависть, желание убить.

– Я не помню, кого я встречал, откуда приехал, но я не убивал Лизу.

– Когда проспишься, поймешь, что возможен только один вариант: либо ты точно знаешь, что не убивал ее, либо ты ничего не помнишь. Что такое «прямые улики», думаю, ты понимаешь уже сейчас, в таком состоянии. В общем, пока

на выход. Домой отвезут, присмотрят за тем, чтобы не пытался сбежать. Родителям лучше обо всем сообщить, поскольку нам по-любому придется с ними говорить.

Артем вошел в квартиру, прошел в свою комнату в ботинках и куртке и упал на кровать. Он хотел только одного – провалиться в сон.

Первой с работы вернулась Ирина, его мать. Она вошла в его комнату и остановилась у кровати, глядя на него с ужасом. Она знала, что Артем может выпить в компании, ей иногда казалось, что он пробовал наркотики, но это сейчас не редкость, и особых проблем у них не было. Мог вернуться под утро или утром, как сегодня, мог потом спать до полудня, а дальше все было как обычно. Он вставал, принимал душ, ел, пил кофе, сидел за компьютером, занимался, чаще всего после таких вечеринок в институт не ездил.
Был спокойным, здоровым, контактным. Что с ним происходит сейчас? Прошел целый день. Куда он ездил или ходил? Почему лежит в верхней одежде? Может, у него грипп, пневмония? Он как-то хрипло, неровно дышит. Ирина потрясла сына за плечо. Хрип или храп прекратился. Но Артем по-прежнему лежал лицом вниз.

– Тема, – позвала сына Ирина. – Ты не спишь? Что с тобой?

Он повернулся на спину. Бледное лицо. Синевато-багровые тени под глазами.

– Ты заболел! Я вызываю врача!

– Мама, подожди. Не суетись. Может, я и заболел. Но это не самая большая сейчас проблема. Меня возили в полицию. У них получается, что я убил Лизу Никитину.

– Ты бредишь! Лиза убита?

– Как будто да.

– Что значит – как будто?

– Мне так сказали. Они нашли меня по отпечаткам ботинок. Ее убили рано утром в нашем сквере. Мама, у них все совпало уже! Мои отпечатки пальцев на какой-то палке, ее кровь на моей синей куртке, что-то еще… Анализы брали, экспертиза…

– Артем, – присела Ирина на кровать, потому что ноги у нее стали ватными. – Может, тебе все это вообще приснилось? Извини, но ты или что-то выпил, или принимал ночью. Я шла от метро, встречала соседей, мне никто ничего не говорил, что у Никитиных несчастье. Такие вещи быстро распространяются.

– Не приснилось. Они меня забрали. Там у меня брали кровь и отпечатки пальцев. Вот, посмотри, – Артем сел, снял куртку, поднял рукав футболки. – Я дал подписку о невыезде, завтра за мной приедут, чтобы я там все вспомнил. А я не могу. В голове темно.

– Ты видел Элизу… убитой?

– Только на фотке. Я не понял, кто это. Пальто похожее.

Ирина взяла руку сына, прижала к губам.

– Мальчик мой, я тебя умоляю, приди в себя. Нам надо во всем разобраться. Как могла выйти такая ошибка?!

– Мам, – беспомощно сказал Артем. – Я не знаю, ошибка это или нет. Они мне не верили, наверное, но ты поверишь… Я ничего не помню! Только одно: Элиза снилась мне сегодня в этом пальто и платье.

– Так. Успокойся. Ты говоришь, ее кровь на твоей куртке. Но ты мог возвращаться, увидеть ее лежащей – раненой или убитой, – и пытаться помочь…

– Ты забыла, что они нашли какую-то палку, там ее кровь и мои отпечатки пальцев.

– Но ты же не мог! Почему ты молчишь? Ты же не мог убить Лизу, которую знаешь с детства и, как мне кажется, любишь. Ты мог спьяну поднять и эту дурацкую палку, если она лежала рядом с ней.

– А вдруг смог? – Артем закрыл глаза, а Ирина сжала руками виски.

– Нет, я вообще не могу поверить во всю эту историю. Я позвоню Никитиным.

Она решительно взяла телефон, набрала номер и постаралась говорить обычным ровным тоном, что, конечно, не получалось. Ее голос срывался, слова застывали на губах.

– Здравствуй, Галя. Узнала?

– Да, Ира, конечно.

– Я хотела узнать: у вас все в порядке? Ничего не случилось?

– Случилось. Многое случилось.

– Элиза…

– Так. Давай я тебе сразу все скажу коротко. Девушка, которую в сквере нашли убитой, не Элиза. Просто похожа. Ну, это еще будут проверять, оказывается, в таких вещах даже матери не верят, но это не она. Но на девушке Лизочкина одежда. Почему-то. И мы не знаем, где она сама. Должна была быть у Игоря, но… В общем, ее ищут. А тебе кто сказал?

– Артем.

– А ему?

– Галя, его вроде подозревают в убийстве. Какие-то улики, отпечатки, кровь…

– Ничего не понимаю. А где он? Что говорит?

– Он ничего не знает. Он ночью был в какой-то компании, перепил. За ним приехали. Показывали фотографию, он не понял, кто это. Завтра за ним опять приедут. Я не знаю, что делать.

– И я не знаю. И никто пока не знает. Ира, мне говорили, что подозреваемых по району может быть много. Проходили мимо, могли дотронуться, вариантов полно. Просто я не могу сейчас это обсуждать. Я должна увидеть заключение, в котором будет официально написано, что убитая девушка – не Лиза.
Я осмотрела ее внимательно, нашла различия, хотя очень похожа, действительно. Но ты понимаешь, в каком я состоянии?! И потом – мертвый человек отличается от живой девочки, конечно. Дочери. Самой себе не верю! Увидела родинку, теперь думаю, вдруг померещилось и вообще… Давай отложим разговор. Я жду звонка от Лизы. Она отключила телефон, у нее есть такая дурацкая привычка. Ее вещи как-то оказались на другой девушке, мне сказали, что я и в этом могла ошибиться. Я не могла ошибиться в обычной ситуации, но в такой… Я в смятении, конечно.

– Извини, я просто занимаю телефон. Тебе столько нужно узнать. Спасибо за то, что рассказала. Уверена, что это не Лиза.

Ирина дотронулась до руки сына и сказала:

– Ты понял? Это еще проверят, но Галина почти уверена, что убитая девушка – не Лиза.

– Что значит – почти? Она свою дочь не может узнать?

– Она считает, что это другая девушка, но одета так же. И очень похожа. Но она очень нервничает. Тема, она опознавала труп, а не живую дочку. Я не могу это развивать, но это большая разница. У Лизы не отвечает телефон, ее ищут.
И Галина должна получить официальное заключение.

– Тогда выходит, что у меня на куртке кровь не Лизы?

– Получается так, если Галина права. Не знаю, что это меняет для нас.

– Для меня это меняет все. Если я по пьяни убил Элизу, то я убью себя. Если перепутал и убил другую девушку – тогда приму, что положено.

– Боже…

Глава 10

Игорь Сечкин оказался видным молодым мужчиной, с хорошей спортивной фигурой, ухоженным, с красивой стрижкой густых русых волос, привычной белозубой улыбкой. Он улыбался и после того, как посмотрел удостоверение Сергея. Светским жестом пригласил его и еще двух сотрудников в гостиную, предложил напитки.

– Спасибо, потом, – ответил Сергей хозяину дома еще более яркой улыбкой. В этом Кольцова никто еще не переплюнул.

Он непринужденно присел на крайне неудобное кресло стиля «модерн», осмотрелся. Дорогая, современная и банальная обстановка, лишенная намека на индивидуальность владельца. А девушку, судя по рассказам ее родителей, выбрал не совсем обычную. Или совсем необычную. Сергей сделал вид, что залюбовался ярким разноцветным паркетом из дорогих и разных пород дерева, и думал в это время: «Если стереть его обаятельную улыбку, получится малоприятная физиономия. Утиный нос с острым концом, тонкие губы, срезанный подбородок и глаза… Довольно красивые серые глаза, совершенно лишенные выражения. Наверное, результат долгой тренировки. Он просто ими смотрит, но больше ничего по его взгляду не определишь. У него мебельные магазины, а мог бы служить в разведке. Интересно, чем он привлек Элизу Никитину, переборчивую девушку, как сказал ее отец? Может, вот прямо сейчас мы это у него узнаем? Каким-то образом…»

– Игорь… Можно без отчества?

– Нужно! – дружелюбно улыбнулся Сечкин.

– Игорь, это, конечно, беспардонно – являться без предупреждения, но дело в том, что вы с Элизой отключили телефоны. Вас можно понять, но за это время кое-что серьезное произошло. Мы могли бы с ней поговорить?

– Вы приехали к Элизе? Странно. Это Никитины прислали полицию, чтобы найти у меня свою дочь? Но я ведь сказал Галине, что Элиза уехала. Рано утром!

– Куда?

– Она сказала, что домой, а потом в институт.

– Она не появилась ни там, ни там.

– Это моя проблема? Я предложил ее отвезти. Но она делает только то, что хочет.

– И вас нисколько не волнует то, что она не доехала туда, куда собиралась?

– Нет. Потому что она однозначно туда не собиралась. Она лгала, ее наверняка ждал другой мужчина. Я не первый, с кем она так поступает. Не понимаю, почему я должен все это говорить полиции.

– Я – начальник отдела по расследованию убийств. Неужели вы не обратили на это внимание?

Игорь расхохотался, впрочем, не слишком естественно.

– Она прогуляла экзамен, и вы решили, что я ее убил? Отлично! Идея принадлежит Виталию? Я, конечно, ему не слишком удачливый конкурент, да и в зятья не гожусь, поскольку он для дочери ищет даже не принца, а короля, но я не думал, что он может дойти до такого маразма.

– Он не доходил до него. Прошу вас успокоиться. Это мы нашли недалеко от их дома труп девушки, похожей на Элизу. Но мать ее не опознала. Вот мы и приехали узнать, может, она здесь? И вы просто сказали, что она уехала, чтобы родители вам не мешали?

– Не понимаю, зачем вы мне рассказываете эту чушь. Вы нашли труп, это ваша работа, вы должны их находить. Допустим, это правда, что Никитины опознавали его, но вам сказали, что это не Элиза. Чего вы хотите от меня?

– Каких-то объяснений, Игорь, потому что без них в этом деле не обойтись. На убитой девушке, очень похожей на Элизу, оказалась одежда Элизы. Каким образом это получилось – это и есть наш вопрос. У Элизы здесь, разумеется,

может быть другая одежда, и она в ней уехала, но как ее одежда оказалась на трупе?

– Да, у Элизы здесь есть одежда. Я понятия не имею, что она надела, потому что не вставал, когда она собиралась. Все остальное, что вы говорите, кажется мне таким бредом, что я больше не желаю в нем участвовать.

– Да, наверное, это все звучит странно, но это так. Я даже понимаю ваше желание не вникать в подробности убийства чужой девушки. Но вы не могли бы пойти нам навстречу? Вы сказали, что она уехала с другим мужчиной. Вероятно, вы кого-то конкретного имеете в виду?

– Нет конечно. У нее много поклонников. Виталий может подтвердить, что она, бросая одного, иногда уезжала с другим, не сообщая об этом родителям. Точнее, сообщая, когда ей вздумается. Она и со мной уехала от брошенного любовника во Францию. Оттуда позвонила домой, наверное, через неделю. Не знаю, зачем я вам это рассказываю, просто ваш визит очень подозрителен.

– Повторяю: на убитой девушке одежда Элизы.

– С чего вы взяли?

– Так сказала ее мать.

– Галя сходит с ума от выходок дочери и измен мужа. У вас есть экспертное подтверждение, что на трупе хоть одна вещь, принадлежащая Элизе?

– Пока нет.

– То-то и оно! И не будет. Сфабриковать ничего не получится. У меня отличные адвокаты.

– Игорь, вы ошибаетесь. Мы не работаем по заказу и не готовим вам ловушки. Мы действительно ищем Элизу Никитину, потому что совершено очень странное преступление. Разрешите нам посмотреть, какие вещи Элизы у вас остались.

– Исключено. Даже не потому, что она, возможно, все забрала. Скорее всего. Но это обыск, на который вы не имеете права. У вас нет ордера, и вы никогда его не получите, потому что у вас нет никаких оснований, кроме бредней ее родителей. К сожалению, мое время истекло, я прошу вас уйти.

– Да, конечно, – легко согласился Сергей. – Может, мы не получим разрешение на обыск, может, получим, все зависит от результатов экспертизы, а не от ваших адвокатов. Вполне возможно, что нам удастся найти Элизу без вашей помощи. Но в любом случае вы – непосредственный свидетель по делу, и, если все сложится не слишком просто, вам придется давать показания.

– По какому делу? Вы нашли какой-то труп. Галина придумала, что на нем вещи Элизы. При чем тут я?

– Я сейчас подумал, – сказал, вставая, Сергей, – что мне на вашем месте и в подобных обстоятельствах хотелось бы узнать, что с любимой девушкой, даже если она меня бросила.

– На то вы – сыщик, – ответил Сечкин. – А я нормальный человек.

– На этом пока и закончим, – улыбнулся Сергей, попрощался, и они вышли из дома, сели в машину, выехали со двора.

– Охраны нет, – сказал Вася, фанат электроники. – А видеокамер до фига. Бережет себя. Наверное, и сигнализация крутая. Это к тому, что через забор просто так не полезешь. Хотя я могу и отключить. Любую.

– Ну, как он вам? – спросил Сергей.

– Козел. Врет, в позу встает. Мог бы нормально рассказать, показать, может, там все нормально. Элиза могла переодеться и у кого-то другого. Если, конечно, в морге не она, а вещи ее. Я там кое-что стырил, пока он пыхтел. Заглянул в такую шикарную вазу под зеркалом, а это оказалась мусорка. Ну, там салфетки или промокашки, как их, не знаю, были. Ими женщины помаду промокают. Ватки какие-то цветные для протирки, как я понял. А в холле щетка для волос, вся из себя золотая, но не золотая. Пластмасса. Вроде женская. Хотя у такого фраера такая своя может быть.

– Не зря съездили, – сказал Сергей. – Люблю, когда нас за идиотов считают. Пока судья даст ордер, он эти ватки, промокашки – в унитаз, а корзину помоет.

Глава 11

Эта ночь была пыткой для всех троих. Утром никто не вышел из дома. Только Артем выпил чашку приготовленного Ириной кофе. Он был очень бледным, но пришел в себя и сосредоточенно о чем-то думал. Он рано встал, помылся, оделся и лежал на кровати, явно ожидая, когда за ним приедут.

Ирина пыталась занять себя уборкой кухни, хваталась то за одно, то за другое, в результате разбила салатник, который решила помыть, порезала пальцы, с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Они все не заслужили такой ужасной неприятности. Она пока даже в мыслях не называла это бедой. Все, конечно, выяснится, все пройдет, но почему это случилось с ними? Они – просто интеллигентные люди, трудно и честно живут, любят друг друга. У них хороший сын, несмотря на то, что ни ей, ни мужу Коле некогда было особенно его воспитывать. Может, что-то и упустили, но ничего криминального быть не может. Она посмотрела на мужа, который, наверное, в десятый раз за утро зашел в кухню, открыл холодильник, тут же закрыл, направился обратно – бродить по квартире.

– Коля, – сказала она ему в спину. – Ты не можешь чем-то заняться? Что-то почитать, к примеру. Это просто невыносимо: ты ходишь, как маятник, туда-сюда. Неужели нельзя взять себя в руки?! Мальчик и так нервничает. Нам нужно его поддержать, пока все это не объяснится.

– Вижу, ты очень удачно взяла себя в руки, – сказал Николай, глядя на осколки салатника в раковине и пятна крови на полу. – Может, тебе лучше почитать? Дай мне тряпку, я вытру это, а то в свете того, что случилось или не случилось, и кровь из твоей разрезанной руки выглядит как в фильме ужасов.

– Я сама вытру. Коля, ты понимаешь, в чем дело? Разумеется, Элиза найдется. Но… все равно случилось ужасное. Какая-то девушка убита, на одежде Артема именно ее кровь, а он ничего не помнит.

– Вот этого я не понимаю. Я тоже могу выпить, но чтобы забыть, убивал я кого-то или нет, – такое трудно себе представить. Понимаю, что ему никто не верит.

– Он не выпил… То есть не только выпил. Тема сказал мне одну вещь. Следователи нашли у нас в туалете следы кокаина. Он его нюхает… иногда.

– Елки, этого не хватало! Ты понимаешь, что, если человек чего-то перенюхал или наглотался, он может действовать, как в бреду?

– Я все понимаю. Я не понимаю только, зачем сейчас ты усугубляешь? Пройдет немного времени, и мы что-то узнаем. Мне даже Галина сказала, что подозреваемых по району может быть сколь угодно много. Любой мог постоять рядом, дотронуться, пытаясь помочь, взять эту дурацкую палку… Взял зачем-то Артем. Он плохо соображал. Выбросил, как мусор, в ближайший бак.

– С какой целью взять палку?

– Я не знаю! Просто посмотреть. Никто не знает, как поведет себя, увидев убитого человека… Знаешь, продолжай лучше бегать по квартире. А то войдешь сейчас в роль прокурора. Надо же, как все бывает… Это первая настоящая неприятность в нашей семье, а мне с тобой не легче, а труднее. Я с ночи боюсь, что ты как-то не так поговоришь с Артемом. А он на пределе, может в свою очередь совершить ошибку. Его еще будут допрашивать. Он же… Он вчера мне сказал, что если окажется, будто именно он убил в неадекватном состоянии Элизу, то убьет себя… Но им может сначала показаться одно, потом выяснится другое… У них версии, а над нами – просто меч. Над нашим мальчиком.

– Он так сказал??? – Николай только сейчас почувствовал тяжесть свалившейся на них беды. – Тогда надо ехать с ним и вообще глаз с него не спускать. Следствие может длиться долго, все будет то лучше, то хуже… Мы можем пропустить!

– В том-то и дело, – всхлипнула Ирина. – Конечно, это недоразумение. Но зачем им искать кого-то другого?! У него очень сложное отношение к Элизе. Он любит и ревнует постоянно. Галина считает, что убитая девушка – не Элиза, но даже она говорит, что очень легко перепутать. Она до сих пор не уверена, ждет результатов экспертизы. И эта одежда, даже если на самом деле совпадение… Понимаешь, я уверена, что Элиза найдется живой, но для нас это ничего

не меняет. В такой тупик попал Артем!

– Я понимаю, – сказал Николай. – Надо искать адвоката и деньги на него. Я даже не знаю, сколько это стоит.

– Много, конечно. Мы столько не найдем, даже если возьмем в долг у всего института.

– Рояль, Ира. Срочно ищи того коллекционера, который хотел его купить.

– Да, мой дорогой. – Из глаз Ирины хлынули слезы. – Я всю ночь думала о том, в чем я виновата. Мне показалось, в том, что заставила его учиться в музыкальной школе, играть на этом рояле… Я, кажется, возненавидела Бетховена и «К Элизе». Он сначала это играл часто, потому что это простая пьеса, потом он в нее влюбился. И связал это с Элизой Никитиной, в которую тоже влюбился. Мне нужно было давно согласиться продать рояль, купить ему машину. Он не мог бы пить и все такое, возил бы других девушек…

– Ир. – Николай обнял жену. – Теперь ты не усугубляй. У Темки и без машины были другие девушки. Но нравится та, которая недоступна. Она бы понравилась ему, как бы ее ни звали. Не повезло ему в любви. Но это совершенно другой вопрос. Мы начали решать его проблему. Давай я тебе руку перевяжу. Ищи покупателя, а я начну узнавать про адвокатов. Надо помогать сыну, а мы как-то расклеились. Ты только не реви, я от этого слабею и перестаю соображать.

– Я тут, – вдруг произнес с порога Артем. – Я все слышал, что вы говорили. А я… Мы после пивной были у Сеньки. Я пешком от него шел. Долго. И, мне кажется, что я встретил Лизу… Что она тоже шла. Теперь мне так кажется. Когда менты мне это внушили. А потом она уже мне снилась.

– Тогда… что же получается, раз на куртке ее кровь… – начал Николай.

– Молчи! – закричала Ирина. – Ничего пока не получается. Артем просто не может восстановить всю картину. Возможно, он ее не видел. Скорее всего! Он был нетрезв.

– И кто мне поверит… – безнадежно произнес Артем.

Глава 12

Галина и Виталий тоже не спали в эту ночь. Но утром Галина сделала все, как обычно. Приготовила тосты, сварила кофе, даже сделала быстрый салат из овощей и фруктов (состав она каждый день немного меняла), где-то прочитала, что именно с него нужно начинать завтрак.

Виталий вошел в их огромную столовую-кухню побритым, с еще влажными после душа волосами, он никогда не пользовался феном. Галя сказала ему, что это вредно для волос. Он прикоснулся губами к щеке жены, с одобрением отметил, что она тоже хорошо выглядит, просто и красиво причесана, кажется, немного подкрасилась. Совсем незаметно, просто не бледная, нет теней под глазами, отеков, губы свежие… На самом деле так не могло быть. Он точно знал, что она не спала ни минуты, потому что не спал сам. Она пару раз выходила из спальни, а когда возвращалась, он чувствовал запах сердечных капель. Она здорова, насколько ему известно, но эти капли пьют и в качестве успокоительного. Хорошо, если так. Его самого здорово прихватило там, в морге. Если бы не врач, кто знает, что бы из этого вышло… Но какая молодец Галина! Им нужно нормально позавтракать, поддержать себя и вынести все, что придется…

Но принять верное решение гораздо легче, чем выполнить его. Есть категорически не хотелось. Оба немного поковырялись в салате, сделали по паре глотков кофе. Виталий позвонил в офис, чтобы предупредить, что не придет сегодня, Галя смотрела на него умоляюще: не надо занимать телефон. Да, он переоценил ее хорошую форму, как, собственно, и свою. Легко не будет. Не стоит задавать ей вопрос, набирала ли она номер дочери. Разумеется, да, разумеется, с прежним результатом. И не дочь виновата в том, что сейчас им обоим страшно. Она вела себя так с подросткового возраста. Это был не эгоизм, не самоутверждение, а просто логика. Ее логика. Раз она не звонит, значит, у нее все в порядке, она не хочет отнимать ни у них, ни у себя время. И в этом смысле Элиза была совершенно не похожа на других девушек. У Виталия было такое впечатление, что все девушки и женщины в любой ситуации постоянно говорят по телефону. Это практически болезнь. Он часто слышал обрывки текста. Это песнь акына: что вижу, то пою. Выходит молодая

мама с коляской из подъезда и сразу начинает названивать. Я иду, я стою, он спит, он не спит… Ему было непонятно, кто все это выслушивает. Его радовало, что его дочь совсем не такая. Вот и платит он за эту радость. Они с Галей сходят с ума, а дочь этого не чувствует.

Когда раздался звонок, они оба вздрогнули. Виталий только поздоровался и сказал: «Да, хорошо». Разъединился и встал.

– Что? – спросила Галина.

– Кольцов просил приехать. В отделение. Почему-то он сказал, что мне лучше приехать одному. Видимо, не так важно. Технический вопрос.

– Ты себя слышишь? Что сейчас может быть неважным? Технический вопрос – это результат экспертизы. Действительно ли это чужая девушка. Мне кажется очень плохим знаком то, что он сказал тебе приехать одному, поэтому мы, разумеется, поедем вместе.

– Ты так враждебно говоришь, как будто это моя идея – поехать туда без тебя. Я как раз считаю, что нужно в любом случае ехать вместе. И все вместе обсуждать. Собирайся, только успокойся, пожалуйста. Возможно, у них что-то не получилось, не сложилось, ну, так бывает, наверное. Нужно что-то уточнить. Я только это имел в виду, когда говорил о техническом вопросе.

– Но ты же понимаешь, что уточнять надо именно со мной, так как именно я опознавала тело. И вещи. Поэтому мне кажется очень странным то, что он приглашает тебя одного.

– Да не так! Что ты зациклилась? Я уже сам сбился и забыл. Он, наверное, сказал: можно приехать и одному, чтобы тебя лишний раз не волновать. Он же не видел, что мы сидели рядом, когда он позвонил.

– Хорошо. Я буду готова через пять минут.

Он допивал свой остывший кофе, когда она вошла в черном брючном костюме.

– Странно, что ты так оделась, – пробормотал Виталий.

– А что не так?

– Черный цвет…

– Знаешь, как-то автоматически. Это просто деловой костюм, мы ведь не в гости едем.

– Да я так. Все нормально. В конце концов, мы там видели мертвую девушку. Пока ее родственники не в курсе, мы поедем в черном. Это уместно. Я собирался надеть черные джинсы и черную водолазку. Можешь спускаться к машине, я тебя догоню.

…Они открыли дверь кабинета Сергея через сорок минут. Тот сидел за столом и делал столько дел одновременно, сколько один человек вроде бы не может. Он что-то читал на мониторе компьютера, подписывал документы из разных папок, говорил по телефону, набирал текст на планшетнике, писал от руки… Кивнул им и показал на стулья перед столом.

Никитины сели, рассчитывая на долгое ожидание, но Сергей вдруг все прекратил.

– Значит, вы решили приехать вместе, – сказал он. – Ну, что ж. Так, может, и проще. И сложнее. Я не стараюсь вас заинтриговать, просто так получилось. Дело в том, что убитая девушка действительно не является вашей дочерью, Галина. Это по всему, что мы взяли у вас дома на анализ ДНК. Волосы, нестираная одежда, косметика. И документы из поликлиники. Все точно.

– Сергей, – выдохнул Виталий. – Ну, надо было сказать по телефону. Мы почти не сомневались, но все же было сильно не по себе, сами понимаете…

– Да. Понимаю. Генетическая экспертиза не исключает ваше отцовство, Виталий. Вот в чем дело. Сейчас подойдет эксперт. Будем как-то разбираться. Да, одежда действительно принадлежит Элизе Никитиной, вашей дочери, следы ее пребывания мы обнаружили и в доме Игоря Сечкина. Ее там не было, он сказал, что она уехала с другим, как ему кажется. Что его бросила и солгала насчет экзамена. Осматривать дом не позволил без ордера. Мы кое-что из мусора украли, потому что следы убираются быстро, и все знают про суд и ордер, до которых можно переклеить обои и поменять полы. Так что по мелочи… А чего

бояться честному человеку.

– Но… что это значит: не исключается отцовство Виталия? Если это не Элиза? – произнесла Галина.

– Потому я и приглашал его сначала одного, – ответил Сергей. – Только он может нам сказать, могла ли у него родиться другая дочь от другой женщины примерно в то же время, что и Элиза.

В кабинете застыла тяжелая тишина. Она как будто оглушила Галину и Виталия. И они не слышали, как прошел к столу сотрудник отдела Василий. Он положил на стол какие-то распечатанные скрины документов и сказал:

– Могла. И родилась. Через год после Элизы. Вот документы распечатал. По базам нашел.

Глава 13

– Так, – тяжело и веско начал Виталий. – Только не надо допрашивать меня по поводу личной жизни в присутствии жены. Не потому, что я что-то от нее хочу скрыть, просто это никогда не было и не должно было быть ее проблемой. Но раз так все сложилось, я сам все скажу. Да, одна женщина родила ребенка от меня, когда Лизочке был всего годик. Это было нарушением нашего договора, она знала, что я люблю свою жену и никогда ее не брошу. Беременности бы не было, если бы она меня не подловила. Ну, у женщины всегда есть такая возможность. Долго скрывала беременность. Когда родила, пыталась заставить меня признать ребенка. Шантажом. От идеи суда отказалась, когда я купил ей квартиру.

– Как она назвала девочку? – спросил Сергей.

– Я даже не уверен, что это девочка, – ответил Виталий. – Понятия не имею, как зовут.

– Ее зовут или звали Валерия. Фамилия Сикорская, – сказал Вася. – Ее мать, Лидия, сейчас отдыхает в Альпах, я связался с ней с помощью местной полиции, она едет на опознание.

– Виталий Никитин, – спросил Сергей, – ваша дочь, рожденная Лидией Сикорской, была знакома с Элизой?

– Какую чушь вы городите! – воскликнул Виталий. – Лида Сикорская живет в другом городе, далеко, в Омске. У меня там был филиал. Потом я его ликвидировал. Разумеется, моя дочь Элиза никак не могла быть знакома с ее дочерью. И я больше не поддерживал никаких контактов.

– Но вы подарили ей квартиру в Москве, а не в Омске, – поднял распечатку одного документа Сергей.

– Она так захотела. В любом другом городе России считают, что продать квартиру в Москве – это навсегда стать богатым. Она так хотела больше двадцати лет назад, я так сделал. Я никогда не спорю с женщинами. Мы с вами будем это обсуждать? И потом это близко к действительности. Она могла бы сдавать. Чего она точно не могла – это работать. Отвращение к труду.

– Но она не продала. – Сергей продолжал рассматривать документы, не поднимая на Виталия глаз. – Она просто переехала сюда жить. Валерия закончила школу в Москве, потом компьютерные курсы, после чего ее приняли на работу секретаршей в один частный банк. Лидия значится безработной и незамужней, но, как вы слышали, отдыхает в Альпах.

– Ее спутник – как раз владелец банка, в котором работала Валерия, – сказал Вася.

– Боже, – выдохнула Галина.

– Почему вы спросили, знакома ли она с Элизой? – нервно произнес Виталий. – Почему вы все привязываете к Элизе?

В его голосе был такой откровенный страх, что все, даже Галина, посмотрели на него с сочувствием. Отец, у которого, возможно, убита одна дочь, пропала

другая, был готов принять что угодно, лишь бы беда не коснулась одной – Элизы.

– Что тут непонятного, – пожал плечами Сергей. – Вещи на убитой девушке действительно принадлежат Элизе. Возможно, они были в одной компании, по крайней мере, в ту ночь. И нашли девушку в вашем районе, практически рядом с вашим домом.

– Вы уверены, что это дочь Лиды Сикорской?

– На сто процентов нет, конечно. Вы же слышали: мать летит на опознание, требуется еще одна генетическая экспертиза…

– У вас есть фотография Валерии? – спросила Галина.

– Да. Но фото жив… прошу прощения, фото обеих девушек, найденные в соцсетях, не производят впечатления большого сходства. Черты, выражения лиц – разные. Фигуры, возможно, похожи, но тоже не бросается в глаза. У девушек разная манера одеваться, держать себя. Вот, Галина, посмотрите.

Галина долго смотрела на фото дочери и незнакомой девушки. Потом сказала:

– Да, у этой девушки совсем другое лицо: глаза темные, небольшие, нос с горбинкой, губы совсем другие. Но если она такого же роста, как Лиза, то возможно, что я осматривала ее тело. Вот на этой фотографии она в очень коротком платье… Бедра чуть-чуть искривленные, я именно по этому поняла, что это не Лиза. Но пусть опознает мать. Я ей очень желаю, чтобы это была не ее дочь. Извините, я очень устала, мне нехорошо. Можно нам уехать? Больше к нам нет вопросов?

– Пока все, – сказал Сергей. – Отдыхайте. К сожалению, вы сами понимаете, когда у нас закончатся вопросы к вам. Когда теперь уже с двумя девушками все будет ясно. Думаю, это и в ваших интересах, хотя иметь дело с нами – конечно, неприятная необходимость.

– Да-да, – сказал Виталий и встал. – Мы поедем. До свидания.

В машине они долго молчали, потом Галя произнесла:

– Я не спрашиваю, за скольких детей ты расплатился, чтобы никогда их не видеть. Но один вопрос я задам. Ты понимаешь, что девушки легко могли познакомиться в Москве, ведь мать Валерии все о тебе знает, наверняка рассказала дочери, как ты их бросил, откупившись, что у тебя есть любимая дочь. Они – сводные сестры. Брошенных детей часто интересуют семьи отцов. Так вот: если они все же познакомились, то не стали ли обе жертвами маньяков? Ты так не думаешь? Может, одежда Валерии на Элизе? Возможно, кто-то жестоко над ними поиздевался из-за их сходства, из-за этого неполноценного родства? Скажи честно: ты так не думаешь?

– Нет. И не собираюсь выдвигать безумные версии, пусть во всем разбираются профессионалы. Как видишь, они работают неплохо. А тебе меня добивать сейчас не надо. Ты всю жизнь меня терпела таким, какой я есть. И только беда может открыть нам, что ты считаешь меня врагом. Не надо. Я тоже очень надеюсь, что убита не дочь Лиды. Но главное, чтобы все было в порядке с Элизой. Она – смысл нашей жизни. Я настолько был всегда в этом уверен, как и в любви к тебе, что это как будто – прости за цинизм – давало мне право отвлекаться и расслабляться. Главное было в порядке, целости и сохранности. Но если что-то случилось с Лизой – всему конец. Моей жизни конец. Того, что ты сказала про маньяков, не может быть. Элиза очень разумная, властная, хорошо разбирается в людях… рано или поздно. Она владеет ситуацией. Она куда-то уехала. Хотя я и сам думаю о том, что они могли познакомиться с дочерью Сикорской. Подурачиться в компании, затеять эти переодевания… И расстаться. У Элизы столько тряпок, она могла что-то оставить младшей, брошенной сестре. Приедет – узнаем.

– Да, ты прав, – спокойно сказала Галина. – И мы, конечно, никогда не станем врагами. И наша дочь – это наша жизнь. Только почему ты все время называешь Валерию дочерью Сикорской? Она ведь и твоя родная дочь.

– Наверное, я из тех мужчин, которым нужны разные женщины и только один ребенок. Ребенок от любимой жены.

– Ты уже говорил сегодня не раз о любви ко мне. Больше не стоит. Ситуация не способствует. Тебе изменяет такт. Ты слишком нервничаешь. Да, конечно, Элиза вернется. Господи, пусть она сейчас окажется дома. Все остальное я вынесу.

Глава 14

За Артемом приехали уже во второй половине дня. Сергей, поздоровавшись, внимательно посмотрел ему в лицо. Вроде пришел в себя. Симпатичный на самом деле парень. Но все еще очень бледный.

– Артем, – сказал он. – У нас выяснились дополнительные обстоятельства. Конечно, ничего окончательного. Поэтому прошу сосредоточиться. Я буду задавать не слишком упорядоченные и, возможно, пока не очень понятные вопросы. Отвечать нужно честно, подробно и по возможности делиться любой ассоциативной или иной информацией, связанной с тем, о чем я буду спрашивать.

– Почему такое вступление?

– Объясню. Нам пока не удалось выйти ни на одного другого подозреваемого, кроме тебя. Прямые улики, понимаешь, от этого не уйдешь. Я надеюсь что-то узнать с твоей помощью. На данном этапе я, разумеется, подозреваю в убийстве тебя, но слишком много прямых улик тоже внушают мне подозрения. Твои родители думают по поводу адвоката?

– Да… Мама мне сказала только что, что папа ищет.

– Могу посоветовать бюджетный, так сказать, вариант.

– Спасибо. Не надо. Они вроде решили продать этот чертов рояль. Он дорогой.

– Понятно. Мое дело предложить. Молодая женщина, в начале карьеры. Заинтересована в сложном, резонансном деле. Я работал с ней на одном процессе. Впечатляет. Выиграла.

– Скажу маме. Че-то как-то совсем хреново, что ли?

– Давай разбираться. Что ж тут может быть не хренового, если ты был под кайфом и ничего не помнишь. То ли видел, то ли снилось? А сам в крови.

– Я вспомнил, где был. У Сеньки Иванова. Шел пешком. Очень долго.

– Где он живет?

– Недалеко. Следующая станция метро. Я просто сначала не в ту сторону пошел, закрутился… Плохо соображал.

– Кто там еще был?

– Не успел вспомнить.

– Вспомни и напиши. И адрес точный этого Сеньки.

– Получится, что я вроде на всех настучу?

– Ну, если вы все вместе задумали и осуществили убийство, ты просто обязан пойти навстречу следствию и признаться.

– Ерунду какую-то говорите. Никто ничего не задумывал.

Он взял листок и стал писать. Потом протянул Сергею.

– Это все, кто там был?

– Это те, кого я знаю.

– Там были и незнакомые тебе люди?

– У Сени бывает кто угодно. Открытый дом. Один живет.

– А теперь соберись, как я просил. Посмотри на это фото. Ты знаешь эту девушку?

– Нет.

– Посмотри другие ее фотки. Может, все-таки знаешь?

– Да нет, точно не знаю.

– А вот здесь, посмотри, она стоит практически спиной, никого не напоминает?

Артем смотрел долго и напряженно на снимок: девушка в пуховике с капюшоном стояла спиной к фотографу, лишь кокетливо повернув в его сторону голову. Лицо было практически закрыто капюшоном.

– Немножко… На Элизу смахивает, да?

– Тебе виднее.

– Да, похожа. А кто это?

– Ты никогда не слышал, что у Элизы Никитиной есть младшая сестра? Незаконная.

– Да что-то как будто говорили. Мне просто это ни к чему было. Про Элизу все время что-то говорили. А в чем дело?

– Сейчас, извини, опять покажу тебе фото, с которым мы к тебе и пришли в тот день. Когда было предположение, что убита Элиза Никитина. Ты же по фото это практически сказал. Тебе даже плохо стало. Помнишь?

– Да.

– Вот теперь представь себе, что у этой, мертвой девушки лицо той, которую я тебе только что показал. Просто на ней платье и пальто Элизы. Представил?

– Да…

– Ты под дозой мог бы перепутать?

– Не знаю. Мог бы.

– Так ты, скорее всего, и перепутал. В любом случае: убил или просто увидел в ту ночь уже убитой.

У Артема уже все было выжжено внутри. Глаза горели от не пролившихся, а сразу сгоревших слез. Его затянуло в трясину по макушку. И он помнил сейчас только, как часто проклинал Элизу. Как хотел ее убить или увидеть несчастной. Из-за этого он и стал что-то нюхать, глотать, пить… Он это глушил. Ему было страшно. Он же ее любил. Но эта горькая и бессмысленная обида, всякий раз, когда они встречались… Он для нее был – пустое место, муляж из магазина. И с этим ничего нельзя было поделать. Он поэтому так рано стал встречаться с женщинами; хотел проверить, все ли с ним в порядке. Другие женщины считали, что все в порядке. Он многим нравился. А она его не видела! Не видела даже, когда смотрела прямо на него. Когда с ним разговаривала. Да, он ее возненавидел, потому что не мог разлюбить. И он мог, увидев тогда девушку, одетую, как она, ударить ее этой палкой? Так сильно ударить, убить? Он мог, если ничего не соображал! Наверное. Ну, если только его следы…

– Вы меня сейчас отправите в тюрьму?

– Нет, хотя объясняться с начальством придется. Ты остаешься под подпиской. Дело в том, что прямые улики слишком рядом и близко. Так не поступают убийцы. И ты был в слишком плохом состоянии, чтобы так размозжить череп. Главное, я не вижу мотива. Не исключено, что увижу. На то и следствие. Без моего разрешения – из дома никуда. Поставим наружку. Но и на помощь надеемся. Если грубая подстава, ты должен что-то сообразить. Ты кому-то мешал?

– Другая проблема. Я никому не нужен.

…Артем вошел в квартиру, Ирина ахнула, встречая его в прихожей. У него были черные тени под глазами, заострился нос, впали щеки. Это беда!

– Скажи сразу: что?

– Никаких подозреваемых, кроме меня, нет. Это не Элиза, это может быть ее сестра в ее пальто, а я перепутал. Они сзади похожи.

– Не поняла: какая сестра?

– Да есть у нее или была сестра, незаконная. Кто-то мне говорил, я не помню, что у ее отца есть еще дочь. Ее даже вместе видели с Элизой. Следак сказал, чтобы я вспомнил, кто сказал, где видели. Я ничего этого не буду. Без толку. Я хотел убить Элизу, я ее ненавидел, ничего не соображал. Но я видел кого-то в этом пальто, потому что она мне снилась в нем. И где Элиза вообще? Мне кажется, они и ее найдут убитой. И это тоже как-то повесят на меня. Не надо, мама, продавать рояль. Не надо никакого адвоката. Хотя Кольцов кого-то дешевого предложил. Может, чтобы вернее посадить… У них же есть свои, подставные. Короче, из этого выкарабкаться нельзя, понимаешь, мама?

– Убита точно сестра Элизы?

– Не точно. Ее мать летит на опознание. А какая разница?! Для нас?! Ну, не сестра. Но я перепутал с Элизой… и… – Артем сгорбился, закрыл лицо руками и сполз по стене на пол. Он сжался под этим ударом судьбы, как, наверное, лежал у нее, Ирины, в животе до появления на свет. Она родила его для счастья. Теперь понятно, что счастья не было у ее сына. Он страдал из-за этой девушки, а они занимались своей наукой, а не его жизнью. Но теперь… Ирина села рядом с сыном на пол.

– Что значит – нельзя выкарабкаться? Ты говоришь это матери? Мы должны, постарайся, мой дорогой. Постарайся вспомнить, кто говорил про сестру. Я тоже узнаю. У тебя может быть вообще алиби: вдруг ты с кем-то пошел совсем в другую сторону… Раз не соображал.

– Мам, а кровь, а отпечатки?

– Я не знаю. Но мы будем бороться.

Николай открыл дверь и увидел их по-прежнему сидящими на полу. Артем, их взрослый сын, обнимал Ирину, спрятав лицо у нее на плече, как будто его сейчас придут отрывать от нее навсегда… Несчастье продолжается. А он шел домой и так надеялся, что все вдруг как-то объяснится!

Глава 15

Виталий лежал на диване в своем кабинете и, глядя в потолок, вспоминал Лиду Сикорскую. Он не вспоминал ее столько лет. Где-то двадцать два года. Элизе через два месяца исполнится двадцать три. Ребенок Сикорской примерно на год младше. Галина упомянула о том, что не будет спрашивать, от многих ли детей он откупился. Он это делал не раз. Иногда потом узнавал, что ребенок не родился. Что это был чистый шантаж. Виталий уже никогда не произнесет в разговоре с Галей или дочерью слово «безнравственно», на нем самом из-за этой истории стоит в этом смысле жирный крест. Никаких моральных прав. Но с собой он может быть хотя бы честным. Он и сейчас не видит страшного преступления в том, что стремился к легким удовольствиям с другими женщинами. Он всегда знал, что это пройдет. Значит, это не настоящая измена. Но для женщины, которая оказалась рядом на короткое время, подлость и большой грех – ловить мужчину, который сразу говорит, что продолжения не будет, с помощью ребенка. Новой беззащитной жизни. Черт их знает, может, кто-то и бросал детей от него в роддомах, получив свои откупные.

Он с легкостью забывал таких женщин, они нарушали договор, его представления о таком серьезном аспекте жизни, как легкий флирт. Для него серьезном. Короткие отношения, основанные на взаимном влечении. Эти отношения должны кончаться в ту минуту, когда кончается влечение. Виталий сейчас был в таком смятении, что сомневался в том, что его женщины что-то испытывали к нему, кроме алчного желания захватить. Имитацию страсти он часто считал просто отсутствием сексуальной культуры. Но в эту плохую минуту он уже думал, что никто ничего к нему не испытывал. Тогда на что он тратил свою жизнь? За что так расплачивается сейчас? Нет, он, конечно, очень сильно надеется, что убита не дочь Сикорской. Не его дочь. Но ситуация страшная и унизительная. Оказывается, Элиза знала, что у нее есть сестра, они встречались. Знала, что он просто расплатился с ее матерью, чтобы не иметь к ней отношения. Но без него она бы не родилась. И, возможно, не была бы убита. Что-то тут есть, какая-то связь. Одежда Элизы, их район. Он купил Сикорской квартиру в соседнем районе. Не очень далеко, но и не слишком близко. Пешком не добежишь. И зачем?

Вся эта история с ребенком тогда показалась ему настолько противной, что он закрыл филиал в Омске и просто выбросил все из головы. Не хватило ума проверить, продала ли Сикорская эту квартиру. Не сомневался, что она сделает, как он сказал. А она развела его, как полного лоха, и, судя по всему, находила потом других лохов уже в Москве. Кольцов сказал, что он оказался вписанным в свидетельство о рождении Валерии. Вроде бы это возможно только с согласия отца. Без согласия можно было бы вписать Абрамовича или поп-звезду. Но это было в Омске, у нее там всякие связи, подружки везде. Она была заводная, хохотушка, любила быть центром компаний. Казалась добродушным человеком и страстной женщиной. Они все ему сначала такими кажутся.

Он вдруг вспомнил Лиду очень ясно, как будто видел вчера. Невысокая, полная, складная и упругая, она гладко причесывала свои темно-русые волосы, укладывая сзади то в косу, то в локоны. У нее были небольшие темные, яркие глаза и аккуратный носик с горбинкой. Губы она красила очень яркой помадой, чтобы они казались полнее. Она тогда, двадцать два года назад, очень подчеркивала свое сходство с классической гречанкой. Заказывала платья, напоминающие хитоны и туники, покупала сандалии, носила крупные украшения. На вечеринках для нее включали музыку «Сиртаки», и она очень красиво танцевала. Он гордился ею. Однажды даже привез хорошего фотографа, который сделал ей настоящее портфолио. В разных нарядах, в купальниках, в образах греческих богинь, для которых они заказывали костюмы по картинам. Она была артистичной. Принимала от него деньги и подарки, но не казалась алчной. Для него это так естественно – дарить подарки женщине, которая нравится. И его последний подарок был вовсе не плох, хотя она ему уже совсем не нравилась. Квартира, которую он ей купил, была отличной, отделанной, обставленной. Она стоила много миллионов. Но, несмотря на это, она все же затаила зло? Только этим он может объяснить тот факт, что она рассказала о нем своей дочери, сказала, где он живет, как познакомиться с Элизой. Без ее руководства все это не могло произойти. Она не должна была это делать, потому что он непреклонен в своей позиции и заплатил ей за ее же ошибку, мягко говоря. Ей было сказано, что это все, и она с этим согласилась. В противном случае не надо было принимать квартиру. А затем затеяла эту интригу с Элизой и своей дочерью, и хорошо это закончиться просто не могло. Виталий понимал, что его логика может оттолкнуть любую женщину, возможно, и не только женщину. Но она у него такая. Ее можно принимать или нет. Галина приняла, и благодаря ей их жизнь никогда не теряла человеческого, цивилизованного смысла. Но так наверняка не считала даже Элиза, вот в чем беда. И она, ничего им с Галей не сказав, начала встречаться с сестрой. Но это могло быть только ловушкой, местью.

В чем она состояла? Где наша девочка? О боже! Виталию уже не казалось, что с Элизой может быть все в порядке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/mihaylova_evgeniya/gorod-sozhzhennyh-korableyнадано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити